

Василий Звягинцев
Мальтийский крест. Том 2. Черная метка
Серия «Одиссей покидает Итаку», книга 17

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=440315
Мальтийский крест. Том 2. Черная метка: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-46134-9, 978-5-699-46135-6

Аннотация

Судьбы двух реальностей, нашей, со всеми выкрутасами российской демократии, и альтернативной, где Россия – могущественная Империя, способная адекватно ответить на вызовы азиатско-африканского «Черного интернационала», неожиданно оказываются переплетены гораздо теснее, чем предполагали Шульгин, Новиков, Левашов и их соратники по «Андреевскому братству». Акции антикоррупционной «Черной метки» в первой, заставившие президента страны со всем вниманием отнестись к предложениям этой загадочной организации, и разборки в Одессе – во второй, обратившие на себя внимание Императора, походят друг на друга не только по конечным целям, но и... по составу участников, появления которых на «театре возможных действий» и представить было нельзя. Однако иногда невозможное становится возможным, неся с собой грядущие перемены...

Содержание

Глава 16	4
Глава 17	21
Глава 18	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Василий Звягинцев

Мальтийский крест. Том 2. Черная метка

*Мне, в размышлении глубоком,
сказал однажды Лизимах:
«Что зрячий зрит здоровым оком,
слепой не видит и в очках».*

К. Прутков

Глава 16

Теперь Ляхову нужно было найти Фёста. Задача сама по себе не очень трудная, если он сейчас находится в Москве. Своей Москве, естественно. Всего и нужно, что позвонить по специальному телефонному аппарату, связывавшему со специальным коммутатором в квартире на Столешниковом. Если там никого нет, звонок переадресуется в иную реальность, где существует так называемая «сотовая связь», и аналог примет его, где бы ни находился. Это чудо техники «соседей» по-настоящему восхищало Ляхова, поскольку никаких других, *принципиально* отличающихся изобретений в том мире не было. Разница между *там* и *здесь* чисто количественная. С отставанием, как они с Фёстом просчитывали, на 30–50 лет, если не принимать во внимание гигантской политической и психологической разницы в жизнеустройстве общества. Причём такой, что тамошнему Ляхову и его соплеменникам здесь адаптироваться легко и просто, а наоборот – крайне затруднительно, если не невозможно. Без тщательной подготовки.

Фёст ответил на пятом или шестом гудке. Встретиться договорились завтра, прямо с утра. Для удобства – там же, на Столешниковом, чтобы Вадиму в Академию не опоздать: на днях у него экзаменационная сессия началась. Он сам моментами не понимал, зачем это ему до сих пор нужно. И без того всё неплохо складывалось. Так он и сказал однажды Александру Ивановичу, но тот его осадил.

– Знаешь, в ином качестве ты нам особо и ни к чему. Лихих боевиков мы в любой момент сотню найдём. А в вашем мире хоть один человек без легенды, с *чистыми документами* нужен. Да и тебе самому... Что с нами будет, вдруг да исчезнем мы в неизвестном направлении, на годы или навсегда? Ни за что не ручаюсь, а тебе жить и жить. Академию закончишь, не просто «флигель» – генерал-адъютантом станешь. И вдруг лет через тридцать появляюсь я или кто другой из наших... Будет к кому обратиться в верхних эшелонах.

Одним словом – убедил. Тем более что, пользуясь возможностями квартиры, мог время жизни на учёбу не тратить, за исключением семинарских занятий. За час до экзаменов заехал, хоть три дня, хоть неделю просидел над учебниками, и пожалуйста – входит в аудиторию чисто выбритый, хорошо отдохнувший, знающий всё, что требуется по курсу, и многое сверх того. Непременные двенадцать баллов по любому предмету и в перспективе – занесение на мраморную доску выпускников, окончивших Военно-дипломатическую Академию Генерального штаба с золотой медалью.

Вадим-первый встретил его в хорошем гражданском костюме, значит, здесь на улицу выходить не собирался. Впрочем, при необходимости и переодеться ему труда не составляло.

Немного поговорили просто так, обменялись новостями, на случай, если бы опять пришлось экстренно друг друга подменять, пусть пока обстановка этого и не требовала. Секонд

особенно подробно остановился на приключениях Чекменёва в Одессе и на роли девушек то ли в спасении, то ли в мягком интернировании Катранджи. После чего перешёл непосредственно к сути.

– Понимаешь, Александр Иванович довольно долго уже не даёт о себе знать, – ответил Фёст, выслушав. – И я третий месяц – в свободном плавании. Заниматься мне есть чем, но в основном по старым разработкам. Там у нас тоже не совсем понятные дела творятся. И во внешней политике, и во внутренней. Зачистку почти всех, кто к московскому делу отношение имел, мы произвели, но, увы и увы, истинные вдохновители вторжения так и остались неизвестными. Предполагается, что или из очередной, нам пока неизвестной параллели просочились, или являются стопроцентным продуктом Ловушки. Бактериофаги как бы. А мы, значит, с её точки зрения – чистые болезнетворные микробы, угрожающие существованию курируемого ею организма.

Оттого в нашем богоспасаемом отечестве и вокруг него творятся всякие малоприятные дела, политологами и конспирологами всех мастей представляемые результатом заговора тёмных сил собственного разлива. Кто на либерал-демократов грешит, кто на сионских мудрецов, кто на возрождающийся тоталитаризм. Весело, одним словом.

– Не понял, – удивился Секонд. Он-то, будучи человеком общества с совсем другим менталитетом, был полностью уверен, что после раскрытия планов межвременных заговорщиков, ликвидации их материально-технической базы, изъятия всех хоть сколько-нибудь значимых фигурантов всё естественным образом и закончится. В этой России так оно и случилось. Если не считать эксцесса в Одессе. А на *той* стороне вышло почему-то по-другому.

– Завидую, – без всякой насмешки ответил Фёст. – Тому, что не понимаешь. Хорошо, значит, живёте. Точно так же большинства моих проблем не понял бы нормальный обыватель Монако, Андорры или княжества Лихтенштейн. Швейцарец и исландец, скорее всего, тоже. Но наша Россия – страна пространственная, с очень богатым историческим опытом, а также крайней гибкостью мышления её достойных представителей. Весьма развитой за семьдесят три года Советской власти, которая вас счастливо миновала.

Поэтому, наподобие какой-нибудь амёбы, порубленной на части, вся та масса (или, может быть, лучше сказать – эгрегор), породившая саму идею и техническую возможность агрессии, очень быстро восстановила силы и целостность, заново консолидировалась, реформатировалась, и теперь мы имеем... А что мы имеем? – Вадим-первый невесело усмехнулся, потянулся к сигарному ящику. – Мы имеем то, что случается, когда на полдороге бросаешь лечение антибиотиками. Или, если несколько иначе... «Когда будут наказаны жестокие из сильных, их место займут сильные из слабых. Тоже жестокие... В конце концов придётся карать всех». Дальше объяснять не надо?

– Но так как же? Неужели Александр Иванович и прочие товарищи этого не понимали?

– Да всё они понимали. Со свойственным ему деликатным цинизмом Шульгин однажды сказал, что это – не лечится. А другого народа на место нынешнего ему взять неоткуда. Почему «Братство» и предпочитает охранять Реальность на дальних рубежах, предоставив Главную Историческую последовательность имманентной ей участи.

– Но как тогда понимать всё остальное? – Секонд был явным образом обескуражен. Настолько прямо и с отчаянной безнадёжностью ни Фёст раньше, ни сам Шульгин с ним не говорили. Наоборот, складывалось впечатление, что после некоторых тщательно просчитанных вмешательств и корректировок в том мире постепенно станет не хуже, чем в этом. А теперь что получается? Тонущий крейсер, который некому и незачем спасать?

– Не всё так мрачно, – Вадим-первый понял его мысли, улыбнулся ободряюще (хотя кто на самом деле нуждался в ободрении?), – нам не привыкать. Ляг фотоны-гравитоны чуть

в другой транспозиции¹, сидел бы ты сейчас на моём месте, а я – на твоём. И опять каждый считал бы, что только его мир настоящий, а другой – химера.

Они неоднократно обсуждали эту тему, но снова и снова что-то тянуло к ней возвращаться. Да и странно было бы, если б иначе.

– Мы с тобой оба врачи. Наше дело – лечить, пока есть хоть малейшая надежда. Вот и лечим. Если не произойдёт катастрофического срыва, глядишь, и обойдётся. Не каждая флегмона гангреной или сепсисом заканчивается.

Тут, конечно, не поспоришь.

– Тебе, наверное, легче, чем мне, живётся. Да и то не наверняка. У нас недавно результаты всемирных социологических исследований опубликовали, насчёт понятия «счастье». Так получилось, что жители Бангладеш (это такая страна, возникшая на месте Восточного Пакистана, площадью чуть больше Венгрии, но с населением 120 млн человек), по всем показателям чуть ли не беднейшие в мире, ощущают себя в пять раз счастливее, чем шведы или французы. Так что всё сугубо субъективно.

У нас вот на Кавказе очередная религиозная война разгорается, на Дальнем Востоке проблемы с деградацией инфраструктуры и китайской опасностью обостряются. И надо с этим что-то делать. Государственная власть мечется. Либо очередная тотальная война, по лекалам Ермолова и Барятинского, либо... Хрен знает что. Ни одна самая красивая девушка не может дать больше того, что она имеет, говорят французы, «ля плю белль филль...» и так далее. Равно и наши руководители. Куда ни кинь, всё клин. Приходится лично мне сейчас на темы процветания державы и наведения конституционного порядка задумываться. Единично.

– Ну и как, успешно?

– Да пока справляюсь. Осталось только через несколько врожденных предрассудков переступить – и порядок. В одном тебе завидую – не попалась мне у себя девушка, вроде твоей Майи...

Фёст увидел лёгкое движение лицевых мышц Секонда и продолжил успокаивающе:

– Да ты не нервничай. Я, кажись, её у тебя отбивать не собираюсь. Характеры у нас давно и сильно разные. С тобой. С ней – тем более. Но почему так случилось – интересно. Должен же и у неё быть аналог?

– Возможно, и есть. Но вы с ней не пересеклись до сих пор почему-то. Ты у Шульгина не спрашивал? Возможно, всё ещё впереди.

– Вот ещё... – И сменил тему: – А не хочешь ко мне в гости сходить? Хотя на денёк. До третьих петухов. Ни разу ведь не был.

– Отчего и не сходить? – внезапно Ляхов испытал весёлую бесшабашность. – Только ведь Шульгин предостерегал...

– По-моему – ерунда. Я же с тобой здесь сижу – и ничего. Они сами туда-сюда непрерывно шастали. Можно рискнуть. Офицеры мы или твари дрожащие? Левашов с Лихаревым откуда твоих девчонок переправили? Чуть ли не с того света?

– Возможно, прямо с того. – Секонд уже не раз задумывался над этой загадкой и всё больше утверждался в своём мнении. – Уж больно много нестыковок, а спросить не у кого. Лихарев уму-разуму научен – без разрешения старших товарищей правду не скажет.

Вдруг его осенила новая идея, неожиданная, в чём-то забавная и наверняка могущая быть полезной.

– Майи своей, говоришь, тебе не хватает? Могу тебе кое в чём помочь. Мы ведь до сих пор процентов на девяносто – одна и та же базовая личность?

– Процентов не считал, но что-то в этом роде.

---

¹ Транспозиция – обмен местами элементов какого-либо процесса.

– Тогда есть кое-что предложить...

У него в кармане лежал пакет с полусотней фотографий, приготовленный для так и не состоявшегося разговора с Чекменёвым на «женскую тему». Там были изображены «валькирии», в военной форме на штурмполозе, в летних платьях и костюмах на палубе «Валгаллы» и на улочках городков и деревень на островах Южных морей, в купальниках на коралловых пляжах, на досках сёрфов и виндсёрфов.

И ещё Майя снабдила Вадима лично отобранными снимками из бани, выступая в роли не ревнивой жены, а партнёра и сотрудника. Ляхов думал их показать генералу, если тот начнёт слишком настойчиво вникать в загадку появления «этих феноменов». С помощью имевшихся в квартире приборов, оставшихся от Лихарева, часть фотографий была перемонтирована и стилизована так, что подтверждала как минимум два последних года земного существования девушек. В разных местах – Москве, Париже, Лондоне, Хабаровске, и в разном качестве.

Теперь онигодились.

Передавая стопку Фёсту, Секонд почти демонстративно, как с карточной колоды, снял несколько верхних и отложил на край стола, «рубашками вверх».

– А там что?

– А там – потом. Смотри, что дал.

Тот начал с явным интересом. Что девушки хороши сами по себе, это понятно. Но сейчас подходил не как ценитель «ню» и остального, а как профессионал.

– Вот они, значит, какие, воспитанницы мадам Дайяны с Валгаллы.

Секонд сразу, как только они решили с Майей устроить «валькирий» на военную службу, сообщил об этом аналогу, и о том, что они направлены в новозеландский форт для дополнительной подготовки и специализации, тоже доложил. Но повидаться с новыми *гостями* лично этот Вадим не нашёл времени. Не до того ему было.

– Они. И на вид супер, согласись, и боевое крещение выдержали с честью. Как минимум по «Анне» государь им отвесит. А может, и чего посолиднее.

– И что? Предлагаешь из них невесту выбрать?

– Почему бы нет? В отличие от земных, любая не только внешности отменной, но и нравственных качеств. Не изменит, не предаст, всегда поможет, а случится – и защитит. Со временем каждая ничуть не хуже новиковской Ирины будет...

– Смешно, ты не находишь?

– В прямой постановке и вправду смешно. А если подойти к вопросу прагматически? Нам с тобой нужна хорошая связная, чтобы по мелочи каждый раз не отвлекаться. И не только связная, а помощник, порученец, секретарь-референт, телохранитель. Постоянная смотрительница квартиры и входных-выходных порталов. Я знаю, ты там у себя сейчас фактически оставлен на произвол судьбы. В своём праве и с немалыми возможностями. А всё же?

– Правильно рассуждаешь. Жаловаться мне не на что. А скучно моментами бывает. Как, наверное, Роману Абрамовичу.

– Это – кто? Не слышал. А фамилия?

– Это и есть фамилия. Абрамóвич. Отчества не помню. Один пацан отечественный. Миллиардер. Деньгу зашиб, но до сей поры понять не может – зачем и для чего.

– Мы с тобой наверняка в лучшем положении, – кивнул Вадим-второй. – Этого Романа на наш перевальчик бы. – Он мечтательно усмехнулся. – Или пуля между глаз, или догадался бы о смысле жизни... Пушкин предпочитал в случае, когда мысли лишние в голову придут, откупорить шампанского бутылку, а я – свой винтарь вспоминаю и сопутствующие моменты. Хотя и потом разное случалось, а того – не забудешь.

Фёст кивнул. Ему объяснений не требовалось. До момента появления ударных вертолётов судьба и воспоминания у них были общие².

Он ещё раз перебрал фотографии. Разложил на столе, как карты пасьянса. Налево – в одежде, направо – «о натюрель». Посмотрел, подумал. Смотреть было на что. Хорошо, что оба врача и на анатомические подробности способны почти не отвлекаться, воспринимая их так же, как и иные физические признаки пациентов.

– Вот эта мне отчего-то больше других нравится, – показал снимки девушки с длинными волосами платинового оттенка, падающими на плечи, мило и смущённо глядящей в объектив. Причём, как отметил Секонд, карточку, где она сидела на диване голенькая, в позе Русалочки с копенгагенской набережной, но чуть более откровенно, поскольку в чисто женской компании стесняться ей было нечего, Фёст, будто невзначай, задвинул ниже других.

Интересный штрих. Оба они мыслили и чувствовали почти одинаково, и тем не менее...

– Как же её..? – Ляхов сделал вид, что вспоминает. – Ну, да! Вяземская, Людмила. Имя соответствует, правильно? Слегка удивляюсь, что именно она тебе глянулась, однако – понимаю. Тот самый момент, где у нас *расхождение* намечается. Помнишь, не помнишь – лет до восемнадцати я влюблялся исключительно в Людмил. Три было. Потом Натальи пошли. Тоже три. Надеюсь, вторая и третья Майя мне не встретятся.

– И у меня Людмилы были. Одну, в семнадцать, обожал до потери самоуважения. Она меня понять не захотела. Её очаровал сорокалетний композитор, посвятивший ей ораторию...

Секонду показалось, что в голосе аналога прозвучала незабытая горечь.

– С Натальями проще получалось? – поинтересовался он, чтобы сравнить. У него самого флирты с Людами и Милами получались лёгкими, приятными, лишёнными драматизма.

– Не скажи, – ответил Фёст и замолчал, снова вспомнив нечто. Вертя в руках фотографии.

– А я знаю, почему тебе Вяземская понравилась, – провокативно заявил Вадим. Не то, чтобы издевался над аналогом, просто захотелось ещё кое-какие соображения проверить.

– Поясни, – ему тоже стало интересно, насколько далеко распространились расхождения личностей, или – сохранились сходства.

– Она – самая беспроblemная. Я это в яви увидел, сначала на занятиях, потом и в настоящем деле, а ты – по фотографии почувствовал. И не ошибся. Почему и как она такая получилась – не знаю. Но что есть, то есть. Однако сто из ста выбивает, что по фанерной мишени, что по живой... – неизвестно зачем добавил Секонд.

– Бывает, – почти равнодушно ответил Фёст. – Нас с тобой очки никогда особенно не волновали. Попал – не попал, вот и весь критерий. Теперь покажи ту, что спрятал.

– Пожалуйста. – Ляхов подал веером развёрнутые «три карты» с изображением Анастасии.

– Ну и что? – Фёст не понял игры двойника. – Не хуже, не лучше. – Однако в пальцах вертел как раз ту карточку, где Вельяминова была застигнута (случайно, конечно) в очень изящном повороте. Плечо приподнято, правая рука на уровне глаз, очень красиво прорисован переход талии в бедро и тот самый «глютеус», что и врачей заводит.

– Так уж?

– Нет, чертовщинка в глазах явно чувствуется, – начал сдавать позиции Вадим. – Но это, скорее, качество фотографии. А так – ничего сверхъестественного. И что?

---

² См. роман «Дырка для ордена».

– Как будто нас можно удивить сверхъестественным. Я попробовал на тебе проверить, что же именно в этой соплячке есть *этого*? На меня – подействовало. На тебя, вижу, тоже. Мой лучший помощник Уваров потащился сразу... Жениться собирается.

– Уварова – помню, – сказал Фёст, только чтобы не промолчать.

– Да и бог бы с ним, с Уваровым, – махнул рукой Секонд. – В его двадцать семь холостых лет – на полковую телефонистку западёшь... Да ладно, сам знаешь. – Действительно, они оба это знали одинаково, при том, что услугами именно того типа девушек ни тот, ни другой не пользовались. По причине врожденного эстетства.

– Дело здесь ещё и вот в чём. По какой-то причине она и Новикову понравилась. Не в том смысле, а просто обратил он на неё внимание и как бы взял под своё покровительство. Есть мнение, что над психикой её он поработал, отчего от прочих сия девушка сильно отличается. Настолько, что сам господин Чекменёв заинтересовался. Со своих специфических позиций. И сдаётся мне, имеет виды... К государю-императору её подвести. Подарочек, так сказать, сделать.

Фёст рассмеялся.

– Надеюсь, ты-то этого не допустишь?

– Исключительно из-за Уварова. Там у них совершенно шекспировские страсти. А вообще вариант, сам понимаешь, неслабый. Дайяна, между прочим, девочек именно для использования в роли *агентов влияния* на важных людей готовила. Ещё одну из их команды можно и к Катранджи подвести. Представляешь пассаж?

– А третью – к папе римскому, – усмехнулся Фёст. – Четвёртую – к нашему президенту. И так далее. Стоит ли умножать сущности сверх необходимого? От этого, похоже, все проблемы. Систему нужно максимально упрощать, а вы опять начинаете громоздить... Император, Катранджи... Я бы не затевался.

– Пожалуй, ты прав. Тогда обрубим. Если радикально – стоило бы вместо Вяземской тебе Вельяминову предложить. Великолепная помощница, уникальное оперативное и даже стратегическое чутьё. И из-под удара здесь выводится. Если Олег её всерьёз захочет, мне трудновато придётся...

– А Уваров как к такому отнесётся?

– Да, ему точно не понравится. Ей, наверное, тоже. Только-только начала понимать, что такое любовь, – и расставаться.

– Тогда остановимся... – Фёст снова перебрал фотографии, – на Вяземской и остановимся. А чего это они обе на «В»?

Теперь засмеялся Секонд.

– Майя с Татьяной дурака валяли. Взяли и всем фамилии для паспортов по справочной книге Петербурга выбрали. Ленё им было страницы листать. Вельяминова, Волынская, Варламова, Витгефт, Верещагина, Вирен, Вяземская...

– У Колбасьева (или у Соболева) ещё смешнее описано. Там комфлота на Балтике затеял на эсминцы офицеров по фамилиям подбирать. На один – всех Ивановых, на другой Петровых и так далее. Лучше всего на «Забияке», кажется, вышло. Курочкин, Курицын, Цыплаков, Петухов, а командиром – Куроедов. Кто-то даже стреляться с горя собрался... И как, на службе столь нарочитым фамилиям никто из кадровиков не удивился?

– Ты знаешь, подозреваю, даже внимания не обратил.

– Без фантазии народ. «Мы ленивы и нелюбопытны» – кто сказал?

– Вроде Пушкин, но точно не помню.

– Вот и я не помню. Что подтверждает истинность сентенции. Так когда я могу в натуре со своей партнёршей познакомиться?

– Вот прямо сейчас, если угодно. – Секонд снял телефонную трубку и позвонил Уварову.

– Господин полковник, прошу не отказать в просьбе. Немедленно, если вас это, конечно, не затруднит и не идёт в противоречие с интересами службы, командуйте подпоручика Вяземскую для выполнения специального задания. Сроком на две недели, с выездом за пределы гарнизона. Проездные документы и суточные выписывать не нужно. Эти вопросы Управление берёт на себя. Прибыть... – он назвал известный Валерию адрес, – сразу по готовности. Форма одежды гражданская, при себе иметь личное оружие. За исключением полковника Тарханова о факте данного задания никого информировать не нужно...

Ляхов научился у Шульгина разговаривать с людьми, даже ему прямо не подчинёнными, таким тоном, что возможности не то чтобы возражений, а даже излишних вопросов обычно не возникало.

Сейчас, вдобавок, Вадим ощущал через три километра проводов явное облегчение в голосе Уварова. Ведь могли бы вызвать не Вяземскую, а Настю. И он точно так же вынужден был бы выполнить и этот приказ. По смыслу субординации – не совсем законный, так кто станет разбираться? Флигель-адъютант Императора никому (кроме дежурного генерал-адъютанта) не должен давать отчёта в смысле своих действий. А если этот флигель-адъютант ещё и зять Генерального прокурора и вдобавок старший боевой товарищ, «альтефронтка-мрад» – никак не поспоришь!

– Будет исполнено, Вадим Петрович. На своей машине доставлю.

– Тоже правильно. Подъезжай...

– Как думаешь, ему стоит видеть нас вдвоём? – с сомнением спросил Фёст.

– Ни к чему. Достаточно, что корниловец Ненадо нас вычислил, но в силу характера не придавал значения. Сначала я с Уваровым и Вяземской поговорю, ты подождёшь в той половине, потом его проводим, и я тебя представлю девушке как брата-близнеца. Тогда и сходим в вашу Москву прогуляться. Мне самому зверски интересно...

Уваров сообразил, что его подопечную старший начальник сегодня решил использовать не в «одесском варианте». То есть – не в качестве боевика по индивидуальной программе. Он слегка удивился, отчего полковник Ляхов, ничего не делающий «просто так», выбрал для своих целей именно Вяземскую, ничем не выдающуюся среди подруг. Даже в Одессе она всё время оставалась в резерве. Разве только для некоторых случаев очень может пригодиться невинный взгляд *кадровой* блондинки из анекдотов. Отлично маскирующий её истинные способности и возможности. Впрочем, такой точно вопрос можно было отнести к любой девушке – все словно на одну колодку сделаны, и у всех – своя «изюминка».

Значит, намечается очередная интрига, до которых очень охоч Вадим Петрович, человек большого ума и ещё большей хитрости.

И ему нужна не кто иная, как Людмила. Немного подумав, Валерий согласился – для работы в одиночку, в смысле – без команды, но под личным руководством Ляхова, Вяземская вполне может оказаться идеальной фигурой. Как по причине внешности, так и характера. На всякий случай он пригласил к себе не Анастасию, что было бы естественно, а поручика Полусаблина, подавшего уже третий рапорт с просьбой о переводе в нормальную часть.

– Я же не извращенец, господин полковник, – на грани срыва объяснял Уварову поручик – очень хороший строевик и контртеррорист, но как человек – абсолютно чуждый восприятия женщин равноправными существами. По какой причине на свою должность и был выдвинут.

– Разговоры их мне надоели, построение в трусах! Издеваются ведь: по уставу на утреннюю зарядку – в одних трусах, правильно. Но вам и ещё кое-что прикрывать надо! Так ведь нет, назло выставляются. Двадцать шесть баб – сговорились, и на каждой тумбочке Устав лежит, где закладка на пункте семнадцатом – в трусах, мол, и точка. В дождливую и

грязную погоду разрешается надевать сапоги. Я им разве что плохое сделал? А доведут – лишнюю пробежку по штурмполосе назначаю. Смеются. Бегают.

– Ладно, Геннадий, обещаю – завтра на нормальную роту перекину, если тебе девки в трусах не нравятся. На мужиков насмотришься.

Плеснул поручику «высочайше утверждённые» сто грамм, угостил дорогой, не по обер-офицерскому званию папирсой.

– Про Вяземскую мне доложи, как ротный командир.

– Что слышать хотите? – мгновенно подтянулся поручик. Какими такими прелестями дразнили простодушного командира его подчинённые – один вопрос. Что докладывать официально и по команде – совсем другой.

– Только боевую и психологическую характеристику. Для специального задания её начальство вызывает.

– Смотря какое задание. Я бы, честно сказать, для работы нелегалами в тылу врага только её себе в напарницы и выбрал. Ещё раз прошу прощения, господин полковник, все остальные, а особенно – подпоручики Вельяминова и Темникова в случае чего важное задание провалить могут, по причине неудержимой азартности и нежелания принимать командирские приказы в качестве последней, обсуждению не подлежащей инстанции. Проще говоря – многовато о себе понимают.

В какой-то мере Валерий с ним согласился.

Волынская, Витгефт, Вирен, да и его Настя – слишком бросаются в глаза, вызывают у мужчин не только обострённое сексуальное влечение, но и опаску. Что с наглядностью подтвердилось в Одессе. Зато при виде Вяземской никто даже из самых опытных боевиков, кем бы они ни были, *на автомате* не сообразит, что этой «глупышке» с эффектной грудью и полупустыми, но столь головокружительными сиреневыми глазами хватит десятой доли секунды, чтобы выхватить из-под юбки пистолет и вложить весь магазин в центр мишени на предельной дистанции. Со скоростью, позволенной автоматикой «глока» или «беретты». Если ей придётся расправляться с противником без помощи оружия, это будет выглядеть ещё эффектнее и страшнее.

Как в фильме ужасов про злых волшебниц и оборотней.

– Хорошо, поручик, если до утра не передумаешь – пойдёшь ротным в третий отряд. Появилась вакансия.

Уваров привёз Людмилу через час с небольшим, то есть практически мгновенно, как по настоящей тревоге. Наверное, ему самому было интересно, для чего она понадобилась, и Валерий надеялся что-нибудь разузнать при личной встрече. Девушка была в лёгком кремовом плаще поверх неброского светло-серого костюма, подходящего почти к любому случаю, с маленьким элегантным чемоданчиком в руке.

«Пожалуй, – подумал Фёст, наблюдая за своей избранницей по видеозэкрану из второй половины квартиры, – в этом виде с ней можно и в мою Москву идти, не переодеваясь. Там сейчас каждый носит, что хочет, и никому это на улицах в глаза не бросается. В другие, специальные места, конечно, придётся подбирать туалеты по обстановке. Но как хороша, чертовски хороша! Фотография и половины её шарма не передаёт. Неужто и мне наконец повезло?»

– Любопытствуешь, понятное дело, – сказал Ляхов Валерию, провожая гостей в кабинет. Девушка осматривала интерьер внимательно и цепко, но непосвящённый принял бы её взгляд за скучающе-безразличный.

– Только я и сам сейчас мало что знаю. В смысле – какая работа предстоит. Просто придётся подпоручику Вяземской в течение некоторого времени поработать в роли класси-

ческой эскорт-леди с одним человеком. Не потому, что предполагается угроза жизни и безопасности *клиента*, скорее – наоборот. Нужно будет в процессе сопровождения фиксировать в памяти всё происходящее, его контакты, суть разговоров, телефонные звонки. По возвращении – исчерпывающе доложить. И только...

Людмила, понимая, что подробный инструктаж в любом случае состоится позже, сейчас просто кивнула головой.

А Уваров был слегка разочарован. Обычно у «печенегов» принято подробно излагать «боевой приказ», то есть – смысл, цель и детали предстоящей работы. Но и мысли о том, что полковник ему не доверяет, Валерий не допускал. Слишком хорошо они были знакомы. Значит, есть причины к такому поведению, и незачем больше об этом думать. Придёт время – узнает. Или – нет.

– Может быть, лучше двоих послать? – предложил он из чисто деловых соображений. – Опыта у Вяземской не так много, мало ли как сложится? С негласным прикрытием всё же надёжнее. В людях у нас недостатка нет, серьёзных заданий в ближайшее время не предвидится. Ей-ей, так бы вернее было...

– Не выйдет, – сразу ответил Ляхов, словно уже обдумал такой вариант. – По предполагаемым обстоятельствам нашему *клиенту* вторая эскорт-леди не положена. У него с *этой* должны быть якобы довольно интимные отношения. Значит, напарница просто не сможет постоянно находиться от них в зоне прямой видимости. А без этого затея не имеет смысла. Ну, сумеют они раз-другой пересечься, не вызывая подозрений, и только. Твой вариант – для других случаев.

– Ну, вам лучше знать. Тогда я поеду, пожалуй, если ничего больше не требуется.

– Езжай. На связи будем постоянно. Если Людмиле поддержка потребуется – всю группу за полчаса переправишь.

– Смотри, Вяземская, – то ли в шутку, то ли всерьёз сказал Уваров специально для Ляхова. Всё, что считал нужным, он наверняка разъяснил девушке по дороге. – Не подведи взвод. Старайся. Ты у нас первая на индивидуальное задание идёшь.

– Так точно, буду стараться, Валерий Павлович, – спокойно и с достоинством ответила та, уже начиная настраиваться на роль. Ни словом, ни взглядом не показала Уварову, что они с Вадимом Петровичем знакомы больше трёх месяцев и где только не побывали.

Когда Уваров ушёл, Вадиму показалось, что Людмила вздохнула с облегчением. В чём дело? Неужели в присутствии подполковника подчинённые чувствуют себя неудобно? Раньше он такого не замечал. Впрочем, женщины есть женщины. Что-то могут воспринимать не так, как строевые офицеры. Или – отгадка совсем проста – ревнуют. Если командир отдал явное предпочтение одной из семерых (или из полусотни), как девушке, а не сотруднику, вторичных половых признаков лишённому по умолчанию, – тут простор для страстей и интриг.

Ладно, понаблюдаем. Да и плановая диспансеризация через месяц, пусть Бубнов обратит внимание на вероятность эмоциональных отклонений именно у валькирий.

– Располагайся как дома, Люда, – предложил он. – Или Мила?

Всегда проблема с именами, как их сокращать. Одним носителям всё равно, «хоть горшком назови», особенно если это делает начальник, а вторые относятся трепетно, если не болезненно. За время совместного плавания на «Валгалле» он с девушками в слишком доверительные отношения не вступал, почти постоянно находясь под строгим присмотром Майи.

– Лучше – Люда.

– Договорились. Твой будущий клиент подойдёт примерно через полчаса. Настраивайся. Чаю предложить, кофе или чего поинтереснее?

– Если есть – какого-нибудь очень дорогого и редкого сухого вина...

– Так! – Ляхов посмотрел на неё с уважением. – Начинаем работать? Хороший ход. Причём отныне ты станешь утверждать, что пьёшь *только и именно?* А ведь залегендировать придётся, чтобы не выглядело пустым капризом или хуже того...

– Вадим Петрович, не беспокойтесь. Как раз этому нас учили *очень хорошо*.

– Ясно. Кто бы спорил, только не я. Тогда действуй, раз сама затеяла. В третьем доме от нашего, с левой стороны есть очень хороший магазин «Сомелье». Быстренько туда, выбери, что сочтешь нужным, бутылок пять, для начала. И уж потом не отступай. Денег дать?

– Дайте, – не смутилась Вяземская. – На то, что я выберу, моих карманных не хватит, а чековую книжку не захватила. Вы ведь не предупредили, какое будет задание.

– Правильно сделала. Там, куда направишься, она без надобности. Клиент за всё будет платить.

Подпоручик убежала, и когда за ней хлопнула входная дверь, в кабинет вошёл Фёст. Весёлый.

– Нет, прямо здорово. Чуть не подумал, что вы для меня репетировали. Хороша девчонка. А на вид...

– Так ты же по виду и выбирал, – поддел аналога Секонд. – Поговорить с ней у тебя случая не было. На «поглупее» ориентировался?

– На самую бесспорную красоту. Без дополнительных отягощающих факторов. Ты «Лезвие бритвы» если и читал, то в весьма зрелом возрасте. А я – в девятнадцать лет за одну ночь при свете керосиновой коптилки семьсот страниц проглотил. Под полсамовара крепкого чая и две пачки дешёвых сигарет. Впечатления – непередаваемые. А у нас в одной газетке буквально на днях статью напечатали, сексологи-сексопатологи, будто общение с чересчур красивой, по меркам среднего мужика, девушкой вызывает на пятой минуте выброс адреналина, примерно как при первом прыжке с парашютом. Что не есть полезно. В дальнейшем ведёт к органическим изменениям.

– Не замечал, – ответил Секонд, разливая по рюмкам коньяк, пока Вяземская не вернулась. – И с девушками суперкондиционными общался, и с парашютом прыгал. Как видишь – цел и совсем ничего не атрофировалось...

– Так ты же себя когда-нибудь «средним» считал? Если уж попросту – не возникало ли у тебя мыслишки, что это ты оказываешь девушке *честь*, позволяя ей продемонстрировать свои чувства?

– Бывало. Как и у тебя, надеюсь... Ты ей *честь*, а она тебе – *удовольствие*.

Они дружно выпили, одинаково усмехаясь. Как в зеркало глядя.

– Нарциссизм это называется, – хором сказали аналоги и также хором рассмеялись.

– Что не есть полезно. – Секонд успел раньше.

– Поэтому выбранная мною *подпоручик* сможет производить вышеназванный биохимический эффект на всякого, на кого укажу пальцем, – продолжил Фёст, – и ни до кого сроду не дойдёт, что она ещё и зверски умна, эрудированна и профессионально подготовлена, как Джеймс Бонд и Штирлиц сразу.

– Это точно. Самые проникательные в ней кое-что от Бонда, может, и разглядят, а вот от Штирлица – вряд ли. Я бы, кстати, мадам де Сталь вспомнил или совсем уже пресловутую Лилю Брик.

– Что? – поразился Фёст. – В твоём мире Лиля Брик тоже была?

– А куда ж ей деться? – не понял реакции аналога Секонд. – К моменту нашей общей революции она была уже в большом авторитете, и *наши* тридцатые-сороковые годы прошли под совиным крылом этой зверски способной, но крайне мне неприятной женщины. В разведчицы я бы её взял, но она предпочла карьеру дешёвой стукачки.

– На эту тему с Шульгиным бы тебе поболтать в свободное время и с Яшей Аграновым, из всех этих возвышенных фигур стукачей и наделавшего. Задёшево, к слову.

Секонд прервал разговор, интересный, но слишком далеко уведивший от темы.

– А против кого ты Вяземскую собираешься использовать?

– Если бы знать, – засмеялся Фёст. – А чем плохо – новую Брик ввести в наше ужасно бестолковое и лишённое намёка на шарм общество? Уж поинтереснее, чем с нынешними дивами гламура, может получиться. Если всерьёз – у меня сейчас два проекта. Один внутренний, другой, скорее, внешний. Расскажу чуть позже...

Фёст прервался, потому что тренькнул дверной звонок. Очень коротко.

– Ну, поглядим, какие у нашей валькирии вкусы...

Вкусы оказались ничего себе. Елисеевское³ вино типа «Изабелла», но с плантаций и завода на Майорке. Тысяча девятьсот девяносто первого года. Двадцать пять рублей бутылка с номером партии и фамилией винодела на рукописной этикетке.

– Вот я и есть ваш работодатель, – сказал Фёст, разыскав в буфетной штопор и откупоривая вино. – Это, значит, мне впредь предстоит угощать вас исключительно этим? Ну, ладно, не разорюсь... Правда там, куда мы направимся, такого вина не водится, придётся замену подыскивать.

Вяземская недоумённо переводила глаза с одного мужчины на другого.

– Бывает, Люда, в нашей работе всё бывает, – успокаивающе сказал Секонд. – Считаю, что перед тобой мой брат-близнец, о существовании которого никто не подозревает. В оперативных целях и тебе некоторое время придётся его сопровождать. В Москве. Но – чуть-чуть не такой. Ты ведь выросла на Таорэре, и готовили тебя изначально не к здешней жизни, а как раз к той. На Главной исторической последовательности, при бывшей Советской власти. Наверняка немного удивилась, оказавшись в *нашем* Кисловодске. Вокруг всё оказалось *не тем*, правильно? На пароходе мы с вами несколько подкорректировали картину окружающего мира. Приехали в Москву и начали служить в отряде, воспринимая окружающий мир как должное.

А мой брат живёт там, куда ты должна была попасть после выпуска, если бы... Но теперь это неважно, раз такая коллизия случилась... Ничего страшного. Вскоре мы эту ошибку исправим.

Мужчины выпили свой коньяк, Людмила сначала медленно, оценивая вкус, в несколько приёмов осушила бокал до дна, только потом кивнула.

– Значит, вы хотите послать меня в мир так называемой Главной исторической последовательности. Понятно. С ней я действительно теоретически была знакома гораздо лучше. И работать должна была начать в тысяча девятьсот пятидесятые годы...

Фёст насторожился. За время, проведённое в «Братстве», он был достаточно наслышан об агтрах и форзейлях, о том, как сталкивались и пересекались их пути с путями старших товарищей. Проштудировал, в качестве учебного пособия, записки и дневники Новикова и Росткина.

– В пятидесятых? Здесь, в Москве?

– Откуда же мне знать? Куда направят. В Москву, на Дальний Восток или в любую точку мира, где найдётся вакансия.

– Не знаю, не знаю. С твоей внешностью в СССР пятидесятых, мне кажется, трудно было бы найти подходящую для инопланетной резидентки *нишу*. Я их, конечно, представляю только по книгам, фильмам и чужим воспоминаниям, но...

Комсомольскую или партийную работницу с такими внешними данными даже вообразить трудно. Кинозвезду – тоже. Тогда царили Орловы, Серовы и тому подобные «кра-

---

³ Русский купец Елисеев, известен одноименными магазинами в Москве на Тверской и в Петербурге на Невском, построенными по единому проекту в начале XX века. Планировал открыть сеть таких же магазинов по всей Европе, а также собирался приобрести обширные виноградники во Франции и Испании. В данной реальности проекты осуществились.

савицы». Да на тебя бы просто оборачивался на улице каждый второй мужик моложе пятидесяти. Женщины – каждая первая. Какая уж тут оперативная работа. Вот Ирина Владимировна Седова в семидесятые вписалась идеально, а в пятидесятые... Там офицер-фронтвик был бы на месте, никак не секс-бомба. В Америке, во Франции – там да!

– Откуда мне знать, – безмятежно ответила Людмила и взмахнула ресницами. – Мы до самого выпуска понятия не имеем, кого из нас сделают. А когда вдруг случилось то, что Дайяна назвала «катастрофой», все покатилося по инерции. Все потеряло смысл. Но она обещала, что просто так нас не бросит. Доведёт курс до конца. Нам и осталось всего ничего. Несколько месяцев индивидуальной спецподготовки, кондиционирование по намеченной роли – и вперёд, за орденами.

Она уже свободно оперировала профессиональной стилистикой.

– Наш человек, – уважительно отозвался Секонд.

– А я бы тебе должность нашёл, – вдруг сказал Фёст. – Именно там, в Москве. Сразу после пятидесят третьего, в «оттепель», в СССР начали возвращаться многие эмигранты, не запачканные активной антисоветской деятельностью. С детьми и внуками. Из Харбина, Европы, обеих Америк. Ты бы вполне вписалась. И с помощью главного координатора не составило бы труда устроить тебя даже в КГБ. После смерти Сталина в органах большая ротация началась, местечко в отделе по работе с иностранцами легко бы нашлось. Перспективное...

– Видишь, ты за три минуты придумал, так уж наверняка те, кому по чину положено, тщательнее планировали, – похвалил его Секонд.

– Нет, ты подожди, подожди... Вот нам и рабочая легенда, Люда, – Фёст оживился. – Не ты будешь моя эскорт-леди, а я – твой телохранитель и одновременно консультант. Очень, очень интересно. Всё поворачивается с ног на голову. Красавица-княжна Вяземская приехала в Россию, в поисках самоидентификации и прадедовских сокровищ, спрятанных в семнадцатом году в радиусе от Москвы до Харбина. В моей России это до сих пор очень модная тема. И ты нанимаешь меня, скромного частного детектива, чтобы я тебе помогал, защищал от ужасной русской мафии и коррумпированных чиновников. Прямо здорово выходит...

Секонд испытал нечто вроде зависти. Действительно, аналог, органичный и адекватный своей реальности, опять продемонстрировал преимущество человека совсем другого менталитета. Это понятно. Он сам, после хроноклазма, парадоксов «бокового времени», вступления в «Братство» тоже ведь совсем не тот, что накануне назначения в Экспедиционный корпус. Однако тридцать лет, прожитых двойником в совершенно ином мире, – это несравнимо. Общий генотип, общая конструкция личности – данность, а вот жизненный опыт! Даже у разлучённых в младенчестве близнецов, один из которых жил в России, а другой, скажем, в Германии, он отличается меньше.

Да, за два года сотрудничества и совместной подготовки на курсах «Братства» они научились при необходимости подменять друг друга, и какое-то время этого почти никто не замечал, но всё же, всё же, всё же...

Они сейчас сидели в квартире, представлявшей собой очередной пространственно-временной парадокс. Две соединённых соседних, по планировке зеркально отражающих друг друга квартиры, *нормальных*, существующих на ГИП. Чтобы законным образом выкупить их у очередных собственников, пришлось приложить некоторые усилия, но в результате хозяевами одной стали Новиков с Ириной, второй – Сильвия с Берестиным. И к ним примыкала третья, межвременная, одновременно находящаяся и в той, и в другой реальностях. Для удобства общения в капитальной стене пробили дверь, и в распоряжении «Братства» оказалось громадное помещение, отделанное и обставленное в духе нынешнего

времени, но гораздо более стильно, чем у большинства среднестатистических владельцев подобных апартаментов.

Самое же главное – путём не слишком сложной регулировки управляющей автоматики в межвременную базу теперь можно было переходить изнутри, не затрудняясь манипуляциями с блок-универсалом на лестничной площадке. А уже через неё проникать в любую из освоенных реальностей. Впрочем, на всякий случай тысяча девятьсот двадцать пятый, тридцать восьмой и две тысячи пятьдесят шестой были заблокированы, и, чтобы попасть в них, требовалась специальная настройка модуля СПВ.

Сейчас за окном кабинета внизу один переулок, такой, как и должен быть привычным здешнему Ляхову. Вымощенный диабазовыми брусками, с многочисленными магазинчиками для *понимающей* публики. Вон, напротив, двухэтажный магазин «Букинист». Существует здесь лет полтора. На первом этаже текущая литература, а поднимешься по двухмаршевой деревянной скрипучей лестнице – там книги девятнадцатого, а то и восемнадцатого века. Для ценителей. И не очень дорого.

Есть табачный магазин, винный, ювелирный, несколько комиссионных, специализирующихся на антиквариате и живописи. Этого достаточно.

Зато, пройдя через одну из замаскированных между книжными стеллажами дверей, по кругу вернёшься через соседнюю (если квартира тебя *знает*), окажешься в этом же кабинете, но за окном увидишь совсем другое. Ни нормальной мостовой, ни тротуаров, переулок сплошь покрыт керамической плиткой дикого розоватого цвета. Кричаще-безвкусно оформленные магазины, вывески на смеси «французского с нижегородским», несколько кафе и ресторанчиков, обещающих какие-то «бизнес-ланчи», «суши» и «пиццы». Люди перемещаются слишком суетливо, без степенности и достоинства, положенных в респектабельном центре города.

Глупая и странная, на взгляд Секонда, жизнь здесь творилась. А главное – опасная. Отсюда приходили в его мир кавказские и западноукраинские наёмники с тяжёлым вооружением, «учёные», зомбировавшие тысячи людей и учинившие едва не удавшийся государственный переворот. Не государственный даже, цивилизационный.

Но ведь это, одновременно, и мир Шульгина, Новикова, всех остальных «братьев» и «сестёр». И Фёста.

Вадим по своей воле вряд ли туда отправился бы, даже на экскурсию, хватит с него боковых времён. Но если друг-брат зовёт – куда денешься? Долг платежом красен.

А пока Фёст беседовал с Людмилой.

– Что подготовлены вы все хорошо, я знаю. Моральными принципами не озабочены. Да и ни к чему они, верно? «Нравственно всё, что служит нашему делу»...

– Знаю. Это из Ленина. Изучали.

– Молодцы, в СССР девушка с высшим образованием сотню-другую подобных цитат должна была навскидку знать. А сейчас нужно текущие реалии западной жизни подучить. Чтобы хоть получасовой разговор со случайно встреченным соотечественником выдержала.

– Дадите нужные материалы – выучу. Извините, как мне к вам следует обращаться? – спросила Вяземская. Ей факт наличия близнецов (точнее не совсем близнецов) был безразличен. Нужно было понимание позиции.

– Да так и называйте. Вадим Петрович. Вам всё равно, а мне привычнее. Только на той стороне не путайтесь, если втроём рядом с посторонними окажемся.

– Не запутается. Пусть я там для простоты, для третьих лиц Пётр Петрович буду, – сказал Секонд. – Ты когда свой рейд предпринять собираешься?

– Сейчас. Тебе, Люда, сколько времени на подготовку нужно?

– Ровно столько, чтобы прочитать всё, что дадите.

– Нормально. Только с твоей «родиной» определиться надо. Что-нибудь поэкзотичнее и подальше... Вот! – хлопнул он себя по лбу. – Парагвай. Там и сейчас живут тысяч несколько потомков белоэмигрантов, геройски себя проявивших в войне с Боливией. Испанский знаешь?

– Свободно.

– Ну и всё. Сейчас в Интернете разыщем и карты, и фотографии, и тамошние газеты, журналы за последние год-два. Кинофильмы из парагвайской жизни – это вряд ли, но посмотришь несколько аргентинских, один чёрт. Короче – цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи...

– Это – Хрущёв. Из речи на XXII съезде КПСС, – вновь блеснула эрудицией Людмила.

– Точно, молодец! – восхитился Фёст, и Секонд отметил, что отнюдь не наигранно. Очевидно, что девчонка брату-аналогу на самом деле начинала нравиться. Стремительно. Он сам не понимал механизма, обеспечивавшего валькириям столь мощную эмпатию. Но с первых дней общения с ними на «Валгалле» отчётливо понял, что любая, если поставит себе такую цель, сумеет заставить потерять голову даже его, знающего, с кем имеет дело. Там роль «графитовых замедлителей цепной реакции» исполняла Майя. Не хуже него ощущавшая исходящую от юных существ магнетическую силу.

У Фёста такого стопора нет. И слава богу. Сам себе, совершенно свободно, выбрал напарницу для работы. А если что-то большее – пусть будет счастлив. В любом случае Людмила красивее, умнее и психологически мотивированнее, чем любая женщина, какую он мог бы встретить (но так и не встретил) у себя. А ведь четвёртый десяток недавно пошёл!

Усадив Людмилу за компьютер и снабдив её десятком книг и толстой пачкой ежедневной и еженедельной прессы, они решили вдвоём прогуляться по *той* Москве. Родной Фёсту и плохо представляемой Секондом. Провести, как говорится, командирскую рекогносцировку.

Перед тем, как оставить девушку одну, Фёст её проинструктировал, в стиле Синей Бороды, проверявшего моральные качества очередной жены. В какую дверь входить можно, в какую нет, что можно трогать руками, что нельзя. Само собой, входную дверь никому не отпирать. Если зазвонит телефон, отвечать: «Секретарь Вадима Петровича. Кто говорит и что ему передать?» В самом крайнем случае, если, допустим, они до утра не вернутся и никаких инструкций не передадут, таким вот образом выйти через эту дверь, и никакую другую, после чего явиться к Уварову и доложить. Иных действий не предпринимать, о случившемся забыть.

Ляхову-первому, честно признаться, последние полгода жить было просто скучно. После операции «Снег и туман»⁴, когда за одну великолепную, сумбурную и азартную ночь в Москве было изъято около трёх сотен *важных* людей, от генералов всевозможных служб до воров разной степени авторитетности, ничего интересного в его биографии не случилось.

Цель операции, проведенной «Братством», ему была понятна. Параллельная Россия спасена от хорошо просчитанной и подготовленной агрессии плюс инвазии. А толку? Ему лично.

Подразумевалось, что заодно и *эта* РФ будет *почищена*. Ну да, факт имел место. Эффектный. Только он не хотел считать себя политиком. Он оставался по образованию и самоощущению врачом. Военно-полевым хирургом. Почистить, как в Крымскую войну, огнестрельную рану от обрывков грязной тряпки и раздробленных мышц, костей – можем, причём без анестезии, за отсутствием оной. И очень старательно. А дальше? Ладно, те док-

---

⁴ См. роман «Хлопок одной ладонью».

тора насчёт стафилококков и стрептококков понятия не имели, кроме смутных подозрений, а он-то, капитан медслужбы, – имеет.

Оттого не возлагал на акцию «Братства» далеко идущих надежд. В чём немедленно и убедился.

Завершив операцию, старшие братья почти немедленно переключились на какие-то новые дела. Да и понятно: приняв на себя функцию «защиты Реальности», неизвестно как понимаемой в широком смысле, много ли сил и внимания останется для того, чтобы одинаково с каким-то Ляховым воспринимать окружающую его действительность? Хорошо, вообще не забыли, как хам-полковник через минуту забывает сержанта, только что тащившего его из-под бомбёжки или миномётного огня. Хорошо, стряхнёт землю с фуражки и кивнёт адъютанту: «Напиши *этого* на «ЗБЗ»⁵. А нередко вообще простое «спасибо» не скажет.

В результате в распоряжении Ляхова-первого осталась вся Россия ГИП в виде подконтрольной территории, огромные возможности, материальные и технические, и никакой разумной цели. До особого распоряжения.

Конечно, возможностями «Братства» в полном объёме он не располагал. Ему, кроме квартиры, со всем, что в ней находится, было оставлено только право распоряжаться очень большими, но всё же не запредельными суммами. Ну, и все наработанные Шульгиным и Новиковым связи.

Александр Иванович так и сказал, при очередном прощании:

– Ты у нас остаёшься на хозяйстве. Смотрящим. До тех пор, пока нам снова что-нибудь не потребуется в этой реальности (или ты сам не потребуешься в другом месте), живи, как хочешь. Хоть как Корейко, хоть как граф Монте-Кристо... – Улыбнулся одной из своих знаменитых улыбок, одновременно и застенчивой, и циничной. – Как любому из нас, единственным подсказчиком в вопросе «тварь я дрожащая или – *право имею?*» остаётся твоя совесть. Или, если попроще – *экзистенциальное Я*. Вдруг что-то экстраординарное случится – знаешь, куда сбежать. Хочешь – к аналогу своему, хочешь – в Новую Зеландию. Или со мной связывайся, если найдёшь.

На том они и расстались. Вадим Ляхов-первый начал индивидуальное существование.

Какое-то время вёл, как принято было писать в девятнадцатом веке, *рассеянный образ жизни*. Добирал то, что упустил до встречи с Шульгиным. А что тут странного? Армейский капитан, внезапно превратившийся в Креза, холостой, лишённый какого угодно контроля и не имеющий ни перед кем никаких обязательств.

От нечего делать разыскал свою давнюю любовь. Был уверен, что она его давно забыла, а оказалось, что нет. Пусть и вышла семь лет назад замуж, обзавелась двумя детьми, а вышло всё очень хорошо. На его взгляд. Она оказалась свободна (надо же так случиться!) на целых две недели. Муж с детьми уехал на Канары, а её не отпустили дела.

Ничего почти не придумывая, Вадим сказал ей, что служит в миротворческих частях ООН, далеко отсюда, а сейчас почти невзначай залетел в Москву. Случай подвернулся. Сентиментальность заела, вот и разыскал её через ЦАБ ГУВД⁶. Способ, не каждому доступный, *уважающие себя люди* (или те, кому есть чего опасаться) давным-давно изъяли свои данные из всех телефонных книг и адресных справочников. Зато эта возможность мгновенно повысила в глазах бывшей подруги его социальный статус.

И был Вадим приятно удивлён, когда в первый же вечер, после ностальгических воспоминаний в ресторане «Седьмое небо», она согласилась пойти с ним. Прямо в прихожей, как только он помог ей снять плащ, чужая, казалось бы, женщина сама подставила ему губы, а потом за руку повлекла к ближайшему дивану.

---

⁵ Медаль «За боевые заслуги», почётная по статусу, но дискредитированная бесконтрольной раздачей не по назначению.

⁶ Центральное адресное бюро Главного управления внутренних дел МВД РФ.

Ей, в общем-то, нечего было так уж стесняться. И она была его первой девушкой, и он – первым у неё мужчиной, а если потом предпочла другого, этот факт ничего не отменял. Была у них любовь, суматошная и сразу какая-то бесперспективная, но ведь была же!

Пять интересных вечеров и восхитительных ночей они провели вместе, Фёст начал уже задумываться – что же дальше? Не был он, истосковавшись по женской ласке, против продолжения устраивавшей его связи. Пусть даже в таком, *неправильном* качестве. И тут она сама сказала, что – хватит. Очень, мол, приятно было вспомнить молодость, но через неделю семья возвращается, и ей нужно восстановить душевное равновесие. Вадим её понял. Чего тут не понять?

Пришлось искать другое занятие.

Окружающая действительность раньше, до встречи с Шульгиным, со своим аналогом и параллельным миром, не вызывала у него слишком негативных эмоций. Данность есть данность. Как в химии – процесс протекает, если может протекать таким именно образом. В любом случае из реакции соли и кислоты «*це два аш пять о аш*»⁷ никаким образом не получится, как бы этого ни хотелось!

Но вот теперь *обычная жизнь* его раздражала чрезвычайно. Особенно в сравнении с миром Секонда. Тоже не сахар, если внимательно разобраться, и всё же – земля и небо!

А у него ведь остались все концы операции «Снег и туман», и выходы на верхние эшелоны организации «Чёрная метка». Безусловно, придуманной для одной-единственной цели, но в то же время – сумевшей зажить собственной жизнью. Вошедшие в неё сотни старших офицеров и генералов почувствовали вкус «*настоящей службы*». На благо Отечества, а не хрен знает кого. Только раньше выхода не было, а теперь он вдруг появился!

О таком многие мечтали всю жизнь, прямо с лейтенантских погон, а то и раньше. Когда можно и нужно делать только то, что считаешь единственно правильным, не прогибаться перед начальниками, трусливыми, продажными или просто до предела некомпетентными. А самое главное – ощущать принадлежность к касте или клану, где все спаяны общими убеждениями и единым, так сказать, *менталитетом*, сколь ни истрёпано в последнее время это слово.

Один пошловатенький публицист даже произвёл от него новую конструкцию: «литет мента».

А те генералы, полковники и – далее, по нисходящей хотели просто *служить*! Лучше – за хороший оклад денежного содержания, но можно и без, лишь бы не так, как пел Городницкий:

И что тебе святая цель,
Когда пробитая шинель
От выстрела дымится на спине?

Фёст, пользуясь базой данных левашовского компьютера и лихареvского Шара, начал реанимировать *задремавшую* после лихих чисток прошлого года организацию. Теперь уже *под себя*. Очень правильно, что Новиков с Шульгиным выстраивали её не *вертикально*, а как *сетевую структуру*. Вадим начал приглашать к себе самых разных людей, не ставя никаких конкретных задач, просто знакомясь, представляясь то эмиссаром «Меча и орала», вроде Остапа Бендера, то таким же, как собеседники, офицером спецслужб, что было истинной правдой, только облечённым кое-какими полномочиями. Беседовал иногда на понятные, иногда – не совсем темы. Зато деньги раздавал без расписок, под честное слово.

---

⁷ Формула этилового спирта, если кто не знает.

Это очень сильный ход, даже в кругу бессребреников и идеалистов. Когда сотни тысяч рублей, а иногда – долларов и евро выдаются из рук в руки без всяких условий. Просто так. Сидит в роскошно обставленной гостиной или кабинете тридцатилетний парень напротив сорокапятилетнего генерал-полковника, приглашённого обсудить взаимно интересные вопросы, поднятые ещё Андреем Дмитриевичем или Александром Ивановичем, да как-то подзабытые, курит неумеренно, угощает виски или коньяком и говорит: «Поймите меня, Кирилл Мефодьевич (хорошо хоть – не Укроп Помидорович⁸), я вам сейчас вот эти раскрашенные бумажки даю зачем?

– Ну и зачем? – спрашивает генерал-полковник, изображая недоумение. Если изображает – хорошо! Если всерьёз – пора прощаться навсегда.

– Да чтобы вы своих людей простимулировали до уровня, когда им взятки со стороны брать *скучно* будет. Чтобы не они *снизу вверх* платили, а, как положено, от руководства получали, за образцовое выполнение служебного долга...

Мы, сами понимаете, взять на себя полностью функции министерства финансов и всяких прочих министерств не можем, но кое-какими возможностями располагаем.

– Ну и зачем это всё? – спрашивает какой-нибудь товарищ посообразительнее. – Вам, как организации, и мне, как функционеру? Разовые акции, и даже весьма эффективные, мы проводить можем, но систему ведь изменить не в силах. Государственную власть поменять, конструкцию правоохранительных и правоприменительных органов целиком. А без этого – сифилис зелёнойкой лечим?

– В семнадцатом году поменяли. Не уверен, что хорошо получилось. На второй эксперимент в России людей не хватит. Умные народники в девятнадцатом веке проповедовали «теорию малых дел». Вот и будем заниматься *малыми делами*, каждый на своём месте. Прошлый раз неплохо получилось. Как я слышал, полторы сотни особо вредных элементов изъяли «с концами», ещё на пару тысяч страху навели. Работать хоть немного легче стало?

– Немного легче, – согласился один из заместителей начальника столичного ГУВД. – Главное, теперь все друг друга боятся. Кроме наших, конечно, – он имел в виду членов и сочувствующих «Чёрной метке». Так всё запуталось, что никто не понимает, с кем прежние дела вести можно. Сегодня со старым приятелем с глазу на глаз *вопрос перетрёшь*, а завтра в СИЗО окажешься, по санкции прокурора, который, в свою очередь, кого-нибудь из президентской администрации опасается. Зато другая беда обозначилась – многие вообще ничего делать не хотят, ни плохого, ни хорошего. Сидят в кабинетах и сутками в потолок смотрят, жизненные перспективы обдумывают. В отставку подавать или за бугор сваливать, пока загранпаспорта не отменили...

---

⁸ Принятое в сталинских лагерях обращение уголовников к интеллигентам, осуждённым по 58-й статье.

Глава 17

Обо всём, что с ним здесь происходило, не скрывая накатывающейся временами мизантропии, Фёст и рассказывал Секонду, пока они неспешно шли по Бульварам, и Вадим-второй постепенно адаптировался к выглядевшему совершенно чужим городу. Нет, на самом Бульварном кольце сохранилось достаточно зданий из «общего» времени, но и только. Всё остальное просто било в глазах кричащей чужеродностью, аляповатой и безвкусной роскошью. Как если бы встретить девушку, некогда прелестную простотой и изяществом в поведении и одежде и вдруг размалёванную совершенно не сочетающимися помадой, румянами, тушью, увешанную серьгами, цепями и браслетами «самоварного золота», разодетую в декольтированное чуть не до талии платье дикой расцветки.

Так Ляховым воспринимались витрины, рекламы, заплонившие улицы, переулки, даже тротуары автомобили непонятного экстерьера, общий вид и плебейские манеры публики.

Упаси бог жить в такой Москве. Как ему повезло в сравнении с Фёстом!

– И в чём же я могу тебе помочь? Сам ведь говоришь, что безнадежно... Революцию нам с тобой вдвоём не учинить. А если устроить какое-нибудь пронунсиаменто – что толку? С вашим человеческим материалом.

– Толк-то быть может, – смутно усмехнулся Фёст. – Имеются у нас примеры, когда именно перевороты, а не «социальные революции» эффект приносили. Вопрос только в том, кто и с какими целями власть захватывает...

– И с опорой на какие силы, – согласился Секонд. – У нас с Олегом такие силы были, а у вас – что-то не похоже, судя по тому, что я успел узнать. Ну, был бы ты, как я, хотя бы полковник гвардии, флигель-адъютант, смог бы выступить в качестве этакого нового Бонапарта. А за тобой ведь армия не пойдёт, и вообще у вас не страна, а не пойми что. Ни у кого ни малейшей политической воли. В таком состоянии на баррикады не ходят, в «железные колонны» для поддержки какой угодно идеи не выстраиваются...

– Со стороны поглядеть – так оно и есть. Но я-то не со стороны, я тут жизнь прожил да второй год в «Братстве» состою...

– И что? «Братство», кстати, в дела ГИП вмешиваться не рискнуло...

– Не то слово. Рискнуть – не рискнуть, для них вопрос не стоит. Целесообразно – нецелесообразно, вот в каких категориях идеи рассматриваются. Они решили: в рамках их нынешних забот заниматься переустройством этой самой ГИП просто ни к чему. Есть много куда более важных, опять же с *их* точки зрения – времён и реальностей. А эта, попросту говоря, «базовый элемент». Или – несущая частота. Вокруг неё всё крутится, а она – просто данность...

«Всё будет так, как должно быть, даже если будет иначе», – любит Александр Иванович повторять, цитируя неизвестно кого. Но мне такая позиция не нравится. И страшно руки чешутся что-нибудь в нужном направлении подвернуть...

Они дошли уже до Чистопрудного бульвара, и Фёст предложил заглянуть в заведение поприличнее, выпить по чашечке кофе, покурить спокойно. На ходу курить он с молодых лет не любил.

Такое немедленно нашлось, пусть и с дурацкой вывеской «Кафе-бар «Медя». У дверей имелась предупреждающая табличка: «Господа! Это частное кафе. Любому посетителю может быть отказано в обслуживании без объяснения причин».

– А как же свобода личности и права человека? – удивился Секонд.

– Как будто у вас любого забулдыгу в «Националь» или «Медведь» швейцар пустит...

– У нас он и сам не помыслит близко подойти...

– Видишь, какая классовая сегрегация. А у нас всем позволено всё, вот и приходится владельцам себя и гостей таким образом от неприятностей оберегать. «Фейс-контроль» называется.

Сами они прошли беспрепятственно, охранник скользнул по приличным господам безразличным взглядом и нажал кнопку, отпирающую турникет.

– Тауглих! – вспомнив Швейка на призывной комиссии, сказал Фёст.

Выходя в город, они приняли меры, чтобы не привлекать лишнего внимания своим сходством. Секонд приклеил усы и шкиперскую бородку, а Фёст надел фотохромные очки. Да и причёски у них были разные. А что рост и сложение одинаковое, так кому до этого дело?

Нашли удобный столик в углу, сделали заказ. Секонд ждал продолжения беседы, поскольку они подошли к самому, на его взгляд, интересному, но двойник сделал останавливающий жест.

– Подожди, – и кивнул на компанию, разместившуюся в пределах слышимости.

Четверо мужчин и с ними две дамы, возрастом между тридцатью и сорока, некрасивые, но ухоженные и весьма прилично одетые. Сидят, судя по количеству посуды на столе, довольно давно. Разговаривают громко, не обращая внимания на немногочисленных посетителей. Больше всех тот, что сидит к *братьям* лицом, отчего его и слышно лучше всех, несмотря на музыку.

Крупный экземпляр, даже скорее толстый, с круглым щекастым лицом и растрёпанными вьющимися волосами, похожий на Дюма-отца в сорокалетнем примерно возрасте. А также и просторным клетчатым пиджаком старомодного покроя.

Витийствовал он почти о том же самом, о чём только что Фёст с Секондом рассуждали, но несколько в ином ключе.

Речь шла о судьбе страны, только относился к ней этот раблезианский тип совсем иначе. Он с азартом, будто на митинге, доказывал своим собутыльникам, что *это* государство просто не имеет права на существование. Как таковое. Если оба Ляховых сожалели о том, что власть чересчур слаба и не может навести пристойного цивилизованной державе порядка, то сейчас они слышали противоположное:

– Россия томится под властью кровавой чекистской диктатуры, авторитаризм нечувствительно превращается в фашизм. Народ страдает одновременно от нищеты и щедрых подачек, раздаваемых за лояльность на выборах. Не имеет возможности открыто выражать своё мнение, но настолько пассивен, что самые пламенные трибуны не могут даже в Москве собрать на «марши несогласных» больше нескольких сотен человек. Вгоняющий в отчаяние застой общественной мысли не оставляет шансов на достойное существование ничему мыслящему. Всё вокруг зловонное болото, тлен и распад... Как в худшие годы брежневского застоя, помноженного на поздний сталинизм...

Секонд слушал, весь обратясь в слух, и очень ему эта филиппика напомнила вечер встречи с Майей в Доме актёра. В этом толстом жуире, явно не бедном, хорошо, даже чрезмерно питающемся, вволю пьющем, мало было общего с аскетичной фанатичкой Казаровой. Кроме одного – патологического неприятия окружающей действительности, какой бы она ни была.

О причинах можно задуматься. У кого – своего рода психопатия, у кого – пресыщенность и жажда острых ощущений. Особенно, если авторитет в «референтной группе» обеспечен, а реального риска от своего «свободомыслия» – никакого.

– Пусть сильнее грянет буря, – не очень громко, но отчётливо сказал Фёст, когда толстяк сделал паузу, чтобы перевести дух и опрокинуть следующую рюмку.

– Что? – Вития медленно поднял глаза и будто впервые увидел соседей.

– Это ты, Вадим? Надо же, какая встреча!

– Горький, Максим. «Песня о буре-вестнике», – как бы не обратив внимания на следующие слова, ответил Фёст. – Ужасно всё похоже. Только «великому пролетарскому» хоть в какой-то мере позволительно было опасные глупости публично провозглашать, поскольку обитал он в начале XX века. Главное, «долгой самодержавие», а там видно будет. И у «буре-вестника» было куда сбежать – вилла на Капри и всё такое. А ты куда побежишь, если снова грянет?

– Да ладно тебе, – после секундной растерянности нашёлся тот. – Выбрал место для дискуссий. Подсаживайся к нам, выпьем, поговорим...

Фёст кивнул, соглашаясь.

Представил Секонда, как и условились, своим братом, только что приехавшим из Сан-Франциско погостить.

– А это Миша Волович, звезда отечественной журналистики. Ежедневно выступает в прессе с разгромными инвективами в адрес чего угодно, и, что самое забавное, при полном отсутствии у нас свободы слова, собраний и печати его издают массовыми тиражами, прилично платят и ни разу не посадили в «холодную» даже на месяц-другой, что при сверхлиберальном батюшке-царе Николае всё-таки практиковалось. Не говоря о более серьёзных статьях тогдашнего «Уложения о наказаниях».

Встреча и начавшаяся дискуссия с Воловичем и его компанией показалась Секонду не только интересной и поучительной, но и просто забавной. Надо же – в чужой только что мир явился, где всё, кроме собственного аналога и кое-каких архитектурно-топографических совпадений с во всём прочем *иной* Москвой, не было ничего близкого и понятного. Но не прошло и часа – возникло ощущение, будто с одной стороны улицы на другую перешёл. Витрины другие – и только, а люди – те же самые, пусть и воспитанные в абсолютно чуждых условиях «советской власти». Но с психологией, в своих основах не требующей специального изучения и даже особенной корректировки. Что, таких, как этот Волович, у себя в «Приюте репортёра» на Арбате не встретишь? Да каждый второй из тамошних завсегда-таев с ним мог бы местами поменяться, без ущерба для текущего литературного процесса. В обеих реальностях.

Конечно, и белые офицеры – Ненадо, фон Мекк и Оноли – отважные гранатомётчики, генерал Берестин, полковник Басманов, другие корниловцы и марковцы, героизовавшиеся в Москве и Берендеевке, – поначалу показались Секонду непонятными. Своей слегка наигранной бравадой, готовностью кидаться в бой с такой отчаянностью, что враг терял боевой дух и моральные устои (и без того слабо мотивированные), а то и сфинктеры у него расслаблялись не по обстановке. Но на второй час совместных действий бойцы, разделённые тремя поколениями, начали понимать друг друга настолько хорошо... Секонд вспомнил картинку – сидят на ограждении скверика два поручика, Колосов-штурмгвардеец и корниловец Ненадо. Угощают друг друга куревом, один – сигаретами, другой – папиросами. И уж так им всё понятно в своём нелёгком ремесле. Хотя разница в возрасте – больше восьмидесяти лет.

Так что, в принципе, жизнь везде одинакова.

Секонд представился как бы начальником своего брата, топ-менеджером головного офиса всемирной «Комиссии по изучению и рационализации паранормальных явлений», отчего сразу вырос в глазах окружающих. Эти ребята традиционно относились к любому иностранцу, пусть и родных кровей, с заведомым почтением.

Как писал Салтыков-Щедрин: «Хорошо иностранцу, он и у себя дома иностранец».

Прилично разогретый журналист немедленно начал вышучивать Фёста. Вот, мол, человек, сам в конторе, на западные гранты существующей, работает, а других осуждает.

– И в чём же осуждает? – осторожно спросил Секонд, взглядом попросив брата помолчать.

– Да как же в чём? Ты же сам только что слышал! Мы, можно сказать, живота не жалея...

Секонд, назвавшийся Петром, выразительно посмотрел на его живот. Обе дамы дружно фыркнули, оценив тонкость юмора. Волович не смутился, даже сильнее эту часть тела выпятил.

– ... Не жалея, боремся за то, чтобы хоть как-то раскатать эту страну, мобилизовать здоровые силы, заставить повернуться лицом к демократии. Это ведь вообразить невозможно – чемпиона мира за организацию митинга «Долой президента» заталкивают в автозак и целый день держат в КПЗ. Хорошо хоть не избили. Это – свобода?

– А в той стране, что вашей братии гранты и премии выписывает, своего чемпиона мира по тем же шахматам, Фишер его фамилия, не так давно хотели на десять лет в тюрьму упаковать за то, что в Белграде несколько партий сыграл. Это – свобода? – несколько даже лениво спросил Фёст.

– Ты, это, разные вещи не путай. Поддержка тоталитаризма и борьба с тоталитаризмом – совершенно разные вещи, – несколько картинно возмутился Волович. – И вообще не вмешивайся, я не с тобой сейчас разговариваю. Твои взгляды я знаю.

– Ну, пусть люди послушают, – не обратив внимания, продолжил Фёст. – То есть всё дело в торговой марке. Продаем «свободу» – можно делать, что хочешь. Хоть Хиросиму бомбить, хоть Дрезден, хоть Белград, хоть Саддама вешать.

Я тут недавно читал в одной из ваших газеток, что советские солдаты, войдя в Германию, сто тысяч немок изнасиловали. Может, это и нехорошо (если правда), но люди хоть удовольствие получили. А те триста тысяч женщин и детей, что в огне Дрездена, Гамбурга, Кёльна сгорели тремя месяцами раньше, – им приятнее? Причём, в отличие от наших солдат, четыре года на передовой отвоевавших, семей и домов лишившихся, пилоты «летающих крепостей» бомбили с десяти километров, ничем не рискуя...

И никто за это твоих друзей-американцев и англичан не обвиняет, даже сами немцы. Нормально? Теперь переключились на борьбу с «тоталитаризмом», причём не китайским, не саудовским, не грузинским – исключительно российским – тут опять: кому положено – в «белых одеждах», а прочие – нишкни!

Вот вообразим, что в Америке появятся издания, шесть раз в неделю пишущие, что существующий в ней режим – имперский, неоколониальный, подавляющий *истинные* права человека, насаждающий совершенно несправедливую избирательную систему, специально для угнетения свободомыслия придуманную «политкорректность», доктрину Монро и поправку Джексона-Веника. Такой режим, естественно, должен быть разрушен до основания и заменён, скажем, на швейцарский вариант «непосредственной демократии». Причём станет достоверно известно, что и сами газеты, и их журналисты получают деньги прямо из рук российских властей. С опубликованием конкретных сумм. Долго такие газетёнки существуют и что дальше будет с этими «продажными писаками»?

– А братец прав, – подключился Секонд. – Всё так и есть. Я тоже не понимаю, как можно за чужие деньги проклинать собственную страну. Американцы, при всех своих недостатках, правильно мыслят: «Права она или нет, но это моя родина». Если тебе так уж здесь невмоготу, приезжай к нам, помогу работёнку найти. По способностям. Есть у меня знакомый редактор приличной газеты. Штук пять баксов в месяц положит, а дальше – как себя проявишь...

Волович изобразил губами почти непристойный звук. И само предложение, и сумма показались ему абсурдом.

– Да ты, Пётр, сам в свободный мир отсюда съехал, – выкрикнул он, покрываясь красными пятнами. И даже задышал прерывисто. – Не по душе, значит, в России-матушке жить?

– Я – не съехал. Просто мой офис в известном городе сейчас располагается. Паспорт у меня российский. Ни грин-карты, ни гражданства не просил и не собираюсь, хотя мог бы получить в любой момент. Главное – ни слова нигде против России не сказал, не написал. Хоть за деньги, хоть «по велению сердца».

– Самая твоя главная беда, Миша, – ласково сказал Фёст журналисту, – что в любом случае ты в проигрыше. Выйдет то, к чему призываешь, всё выльется минимум в октябрь девяносто третьего, только гораздо хуже – в новый октябрь семнадцатого. И поставят тебя к стенке за твою непролетарскую внешность. Поскольку в прежних твоих заслугах перед демократией озверевшей толпе разбираться будет некогда. Доведёте власть своими провокациями до нервного срыва – опять же посадят или просто шлёпнут профилактически. Примеры приводить нужно?

– Да ну вас к чёрту, – отмахнулся журналист, опрокидывая в рот рюмку. – Ссориться не хочется, и человеческого разговора не получается. Кто ты такой, чтобы я тебя убеждать и просвещать старался?

– Уж точно не тот, к кому ваше «свободолюбивое сообщество» адресуется. На самом деле вы и сами не понимаете, для кого пишете. За сколько – понимаете, а для кого – нет. Те, кто способен бунтовать и воевать с «ненавистным режимом», ваших газет просто не читают. Отчего власть и относится к ним с полным безразличием. А те, кто до сих пор читают, – нынешней жизнью вполне удовлетворены и на баррикады тем более не пойдут. Так что зря ваши хозяева денежки тратят... Но рано или поздно одумаются, мне кажется, и придётся вам... Кому – на паперть, кому – на панель.

Сказал и даже ладонью по столу прихлопнул для убедительности.

А Волович ссориться действительно не хотел. По какой причине – его дело.

– Не понимаю я тебя и никогда не понимал, – сказал он примирительно. – Как будто ты сам всем доволен и не хотел бы жить при настоящей демократии.

– Лет через двести проживём, если всё пойдёт ровненько и без новых потрясений. Ты же, мать твою, историю явно учил, неужто не помнишь, что весь наш бардак от безрассудной торопливости, ни от чего больше! Только-только власть начинает цивилизоваться и благие намерения проявлять, как тут же ей от «прогрессивной интеллигенции» такой ворох невыполнимых претензий и требований, а то и бомба под ноги, что волей-неволей приходится очередной раз порядок наводить. И всё по новой.

Уже на нашей памяти кто мешал в девяносто первом, «распри позабыв», дружно начать строить «демократическую Россию»? Как испанцы после смерти Франко. Это ведь не Ельцин начал, это «народные избранники» до гражданской войны чуть-чуть не довели. В общем, хватит! – Фёст встал. – Хотели с братом кофейку попить, а тут опять бессмысленная трепотня! До скорого. Извините, если что не так.

Он раскланялся.

– Слушай, давай я с тобой интервью сделаю, – вдруг предложил Волович, который, по ощущениям Секонда, должен был смертельно обидеться. – Альтернативные варианты развития российского общества. В таком вот ключе. На телевизоре...

Профессионал, однако. С одной стороны: «Плюй в глаза – божья роса». С другой: «С миру по нитке – голому верёвка».

– Толку не вижу. В прямой записи всё равно не пустите, а плёнку покровсаете, как захотите. В газете – пожалуйста. Короче, я тебе завтра позвоню. Разговор есть. По делу.

– И чего ты с ним завёлся? – спросил Секонд, когда они вышли на прохладный ночной бульвар. – Он ведь почти то же самое, что и ты, говорил. Чуть с других позиций, но по смыслу...

– В том и дело, что позиции у нас разные. Как на перевале. У нас с тобой и моджахедов. А остальное действительно одинаковое.

– Это верно. Так что же ты всё-таки делать собираешься, при наличии вокруг беспрочно-серой массы, бессильного руководства и подобных оппонентов?

– Есть кое-какие соображения. Безвыходных положений ведь не бывает, говорят. Тем более, как ты должен помнить, на первом нашем представлении «Братству» речь шла о том, что и твоя реальность целиком, и часть моей, начиная с семьдесят шестого года... – Фёст вдруг замолчал с таким лицом, будто увидел перед собой прогуливающегося по бульвару некробионта.

– Ну, помню, являются либо порождением, либо объектом воздействия Ловушки Сознания. А чего это ты осёкся?

– Год семьдесят шестой, сказал тогда Шульгин, это момент встречи Ирины с Андреем на мосту. С него и началась вся эта история. И только сейчас до меня дошло, что это ведь год моего рождения... А ты, по своему счёту, родился на год позже. Так?

– Получается так, – согласился Секонд и тоже задумался, поражённый таким совпадением.

– И месяц совпадает тоже. Я, повторяю, в тот раз, поглощённый избыточными впечатлениями, совершенно не обратил внимания и не удосужился спросить насчёт дня. Но и без того наклёвывается гипотеза не хуже прочих. Если я родился в результате (случайно или целенаправленно – другой вопрос) включения Ловушки, инициированного той самой встречей на мосту, тогда становится понятным очень и очень многое... Хотя бы в наших с тобой биографиях.

– Прежде всего – каким образом в реальностях с совершенно разной историей смогли появиться столь полные аналоги, как мы с тобой...

Этот вопрос с самой первой встречи вызывал у обоих Вадимов больше всего недоумений. На самом деле, если реальности двух почти идентичных миров разошлись примерно в восемнадцатом году, где точкой МНВ стала гибель генерала Корнилова, возможность даже рождения, не говоря уже о встрече и женитьбе аналогов их отцов и матерей, уходила в область отрицательных величин. Теперь же всё объяснялось легко и просто. Телеологически⁹.

– Кроме того, Александр Иванович предназначил нам с тобой роль этакого сдвоенного предохранителя. Отслеживать и корректировать изнутри процессы, способные нарушить хрупкую гармонию между нашими временами. Отчего и не велел без крайней необходимости встречаться на *этой* стороне.

– Так зачем же мы это делаем? – удивился Секонд.

– Слушай дальше. Там же, в «Братстве», в моём присутствии неоднократно велись разговоры, что им хотелось бы организовать подобие конвергенции между твоей и ростокинской реальностями. Где-то лет через двадцать-тридцать, якобы, это возможно...

– Лично мне такое трудно представить.

– Мне тоже, но, по их мнению, под воздействием Гиперсети в мозгах миллиардов людей произойдут столь внешне логичные и незаметные изменения, что они поверят и в своё общее прошлое, и в полную адекватность вновь возникшего миропорядка. А без этого, мол, мировая ткань расползётся, как ветхое одеяло, и вообще всему наступит амбец...

– Такое рассуждение я тоже слышал...

---

⁹ Телеология – реакционное идеалистическое учение, согласно которому всё в природе устроено целесообразно, и всякое развитие является осуществлением заранее предопределённых целей, т. е. несовместимо с научным пониманием закономерностей и причинной обусловленности явлений природы (см. Философский словарь, М., 1972).

– Но я ещё не закончил, ты слушай, слушай... – Несколько нервничающий Фёст приостановился, всё-таки закурил сигарету.

С Мясницкой они свернули в сторону Кузнецкого моста, а оттуда уже и до дома недалеко. В переулках было потише, людей совсем немного из-за позднего времени, и разговаривать стало куда легче.

– Как ты помнишь, после московских событий наши друзья к своей идее словно бы утратили интерес. Занялись чем-то совсем другим, причём меня в известность о сути своих дел не поставили. Разбежались по мирам и временам, кто поодиночке, кто сбившись в очередные «кружки по интересам». Нам в них места не нашлось...

– Неудивительно. Боги с Олимпа тоже спускались на Землю или по конкретным поводам, или от скуки... – Секонду было интересно, но не очень. Его по-прежнему больше занимала окружающая действительность.

– И я о том же. Когда я последний раз встретился с Новиковым, он выглядел, с чисто медицинской точки зрения, несколько потеряннм. Я даже удивился. Спросил, в чём дело. Он начал что-то плести насчёт «кризиса среднего возраста», потери вкуса к жизни и ощущения никчёмности происходящего. Блока процитировал: «Ночь, улица, фонарь, аптека. Бессмысленный и тусклый свет. Живи ещё хоть четверть века, всё будет так. Исхода нет».

– Депрессия, одним словом. Можно понять... Лариса вон тоже на всё наплевала и, якобы насовсем, решила переселиться в наш Кисловодск. Однако недавно тоже куда-то умчалась.

– А Новиков, наоборот, мне сказал, что ему ни моя, ни твоя реальности не интересны. «Делать мне в них совершенно нечего. Возглавить «Чёрную метку» и в качестве какого-нибудь глубоко заговоренного «сионского мудреца» наводить порядок в этой России? Для чего? Пусть сами разбираются. Если у Секонда (тебя он тоже вспомнил) что-то не так пойдёт – поможем, чем потребуется. Но жить я предпочитаю не здесь».

– Оно, пожалуй, и к лучшему, – заметил Вадим-второй.

– Может быть. Но дальше ещё забавнее. Оказывается, Шульгин очередной раз влез в Гиперсеть и закоротил Узел, отвечающий за все земные реальности. Теперь, будто бы, никакое вмешательство *извне* нам не грозит. То есть получается, что в пределах наших сочленимых реальностей мы с тобой можем и имеем право предпринимать любые действия. Любые! Без оглядки на Держателей Мира, Хранителей Реальности, законы исторического материализма и всякий там детерминизм. Но желательно, добавил в заключение той странной встречи Андрей Дмитриевич, чтобы эти действия вели к *улучшению условий человеческого существования*. Это обязательно...

– Чересчур расплывчато, – пожал плечами Секонд. – Не может быть *человеческого существования* вообще. Для каждого индивида оно конкретно и неалгоритмируемо.

– Мы не на философском семинаре. Главный смысл, как я его понял, – нам даётся карт-бланш на любые поступки, кажущиеся нам правильными...

– Очередной тест? Или выпускной экзамен из кандидатов в «действительные братья»?

– Возможно и такое. Как там у вас на флоте говорят – допуск к самостоятельному управлению? – Фёст слегка завидовал аналогу, удостоившемуся случая покомандовать настоящим боевым кораблём и успешно с этим делом справившемуся.

– Как бы там ни было, я у себя никакими *улучшениями* заниматься не собираюсь. Как однажды определено: «Ты должен действовать строго в пределах отведённой тебе роли. Сам для себя будь кем хочешь, а для окружающих останься прежним. Ни в коем случае не подстраивай поступки под *воспоминания о будущем*». Твои слова?

– Да помню я, помню. Если хочешь, давай и этой инструкции следовать. Раз уж мы на экзамене. Но мне такого приказа не было.

В самом тёмном месте Фуркасовского переулочка Секонд вдруг приостановился.

– Тебе не кажется, что сейчас с нами что-то произойдёт? Холодком по спине потянуло. – Он сунул руку в карман пиджака, где по привычке своего времени всегда носил пистолет.

Фёст оглянулся.

– Да вроде ничего такого. Сейчас на улицах почти не шалют, а специально за нами никто не шёл, я постоянно проверялся.

– Ну, бог с ним. Двигаем дальше. Наверное, это твоё время и наш разговор так на меня действуют.

– Бережёного, конечно, бог бережёт, и «ходить надо опасно», как в Библии сказано, но сейчас в центр выйдем, а там уже недалеко.

Секонд сам себе удивлялся, но так и не счёл нужным или возможным рассказать аналогу о долгих беседах, что они вели на «Валгалле» с Воронцовым. Очень может быть, таким образом он пытался как можно дальше развести личности, свою и Фёста. Мало кто может представить, как тяжело разговаривать с собственным отражением в зеркале. Пусть лучше у каждого будет всё больше и больше личных черт, привычек, воспоминаний. Получится у Фёста с Вяземской – они разойдутся ещё дальше. Ничто так не способствует самоопределению мужчины, как надёжная, готовая стать «второй половинкой» подруга. И, глядишь, постепенно они станут на самом деле только братьями. В генетическом смысле.

Он сказал другое:

– Не слишком мы сложную легенду для Люды придумали? Она, пожалуй, может пригодиться в каких-то вариантах, а ведь куда проще – очередная твоя «паранормальная» сотрудница. Моя, допустим, ассистентка, приехала ознакомиться на месте с феноменом мистических озарений в политических кругах. С такой научной темой можно в любую структуру проникнуть и самые дурацкие вопросы на полном серьёзе задавать. Паспорт ей выправить, хоть американский, хоть наш – и всех делов.

– Тоже верно, – согласился Фёст. У него сейчас в голове крутилась несколько другая идея, вопросы легализации Вяземской отошли на второй и третий планы. – Но глубокие знания *парагвайского* языка и прочих реалий в любом случае не помешают. Можно сказать, что она – директор тамошнего филиала, остальное будем вводить по мере изменения обстановки.

Когда они вернулись в квартиру, Людмила продолжала работать с документами. Всё, что касалось Парагвая и вообще латиноамериканской жизни, она проштудировала, теперь изучала здешнюю жизнь. Увидев командиров, оживилась, доложила об успехах и выжидательно (а также – выразительно) посмотрела Фёсту в глаза. Наверное, решила, что со скучными уроками закончено и ей немедленно предложат что-нибудь повеселее.

– Молодец. – Фёст сделал вид, что взгляд девушки не задел его душевных струн, хотя что-то такое по нейронам и аксонам пробежало. – На сегодня хватит, иди отдыхай.

Людмила собрала ворох газет и журналов, ещё раз стрельнула глазами из-под естественных, но поэффектнее, чем на рекламных роликах, ресниц. Направилась в отведённую ей комнату, несколько вызывающе покачивая бёдрами. Вадим-первый смотрел ей вслед с живым интересом. Второй – отвернулся.

Сами они расположились в кабинете, задымили сигарами, что сейчас в Москве считалось крайне модным в тех кругах, где Фёсту приходилось вращаться.

– Итак, братец, наговорились мы с тобой сегодня сверх всякой меры, – сказал Секонд. – Высокие проблемы мироздания и эсхатологии обсудили, а по сути ты мне так ничего и не сказал. И видишь, в чём беда – настолько мы с тобой за последний год...

– Полтора, – уточнил Фёст.

– Неважно. Настолько мы психологически изменились после *перевала*, что как я ни стараюсь вычислить твой замысел – не получается. Ясно, что каждое твоё сегодняшнее слово и действие должны были подвести к разгадке, а вот никак! Так что открывай карты, сдаюсь.

Собеседник довольно кивнул. И словам аналога, и собственным мыслям. Он этого и хотел. Окончательно обозначить позиции, пусть в этом и не было особой нужды. На его территории Секонд в любом случае оставался вторым, однако придётся играть и на его поле. Так чтобы и там всё было ясно.

– Видишь ли, братец, мы с тобой пришли к единому мнению. В данной ситуации на нашем уровне сделать ничего нельзя, да и на любом другом тоже. Аксиома. В стране с подобием демократии, но отсутствием почти равной по силам оппозиции справа и слева, а также «гражданского общества», никакие кардинальные перемены невозможны. Волович называет такую ситуацию застоем, даже гниением, кое-кто – я в том числе – стабильностью, дающей шанс на пусть медленное, но поступательное движение. Слишком медленное, на мой взгляд, моей жизни может и не хватить, чтобы насладиться плодами цивилизации.

К нашему глубокому сожалению, гвардии или тайной полиции, кастово-замкнутых структур, но имеющих собственный политический интерес и волю к его достижению, как у вас, в моей России тоже нет. Тупик?

– Похоже. Чего проще – плюнь и переселяйся, как Лариса, к нам в Кисловодск. Все твои проблемы разом исчезнут, – не то в шутку, не то всерьёз предложил Секонд. – И предоставь этих людей их судьбе. Всё же – Главная историческая, как-нибудь разберутся.

– Нет, – тихо и очень серьёзно ответил Фёст. – Это – мои соотечественники, моя страна. Как говорил персонаж одного некогда популярного романа: «Сердце моё полно жалости. Я не могу этого сделать». И вторая цитата из книги тех же авторов: «Кому я нужен – беглец в коммунизм?» И, наконец, третья: «Нельзя изменить законы истории, но можно исправить некоторые человеческие ошибки. Эти ошибки даже должно исправлять. Феодализм и без того достаточно грязен». «Феодализм» безболезненно можно заменить на любую другую историческую формацию.

В глазах его и в голосе читались неподдельная грусть и что-то ещё, Секонду не совсем понятное. И вправду, они стали слишком разными.

И почти сразу аналог стряхнул с себя минор, открыл спрятанный внутри большого старинного глобуса бар, извлёк чёрную пузатую бутылку.

– Настоящий ямайский ром. Где попадая его не купишь. Из двадцатых годов сюда доставлен. Давай причастимся, и ты наконец сам увидишь, какие у меня планы.

В дальней комнате за кухней, в давнопрошедшие времена, скорее всего, обитала прислуга, а затем Лихарев оборудовал там весьма богатую лабораторию и мастерскую. Левашов в её оснащение внёс и свой вклад. Обширное, двадцатиметровое помещение заполняла масса приборов современных, а также семидесятилетней давности. На отдельном столе размещались монитор и пульт управления до предела упрощённого варианта базовой СПВ. Ещё примитивнее того, с которого всё начиналось. Но для целей Фёста этого было достаточно.

Он потрудился над своей внешностью, чтобы изменить её до полной неузнаваемости. Знал, что завтра его портрет будет размножен в миллионах копий и каждый участковый, каждый опер любой из имеющихся в стране официальных спецслужб, а также (весьма вероятно) органов внутренней безопасности солидных преступных группировок получит свой экземпляр.

Игра начиналась отчаянная, веселящая кровь. Давайте, господа – друзья – товарищи, посмотрим, чего стоите вы и чего – я!

Секонд наблюдал за его действиями со сдержанным интересом. Пусть братец *отвяжется по полной*, как здесь принято говорить. План у него и вправду был отчаянный, но

главное – остроумный. Если что пойдёт не так, подстраховку ему обеспечим, но не раньше, чем вынудят обстоятельства. Иначе – просто не спортивно.

Фёст посмотрел на часы, погладил бороду в стиле Александра Третьего, коснулся пересекавшего лоб и правую бровь сабельного шрама. На вид в гриме ему было лет сорок пять, и для своей реальности он выглядел чересчур экзотично. Такого персонажа в светской компании вряд ли встретишь. На задворках Казанского вокзала – вероятнее, но одежда и манеры окажутся *попроще*.

– Наверное, господин президент уже вернулся домой. Даже ему когда-нибудь нужно отдыхать, – сказал Вадим сочувственно, набирая на пульте известную ему комбинацию.

Экран засветился, на нём несколько секунд помелькали стремительно сменяющиеся, размазанные картинки, наконец одна зафиксировалась.

Довольно просторная комната с массивным кожаным диваном, двумя креслами, журнальным столиком. На полу скромного вида ковер, на стенах несколько акварелей в тонких рамках. В одном из кресел – президент России собственной персоной. Одет попросту, в зеленую вельветовую пижаму. В руках чайная чашка. Смотрит прямо в экран.

Понятно – не в этот. В телевизионный, где как раз идут полуночные новости.

– Значит, начинаем, – сказал Секунду Фёст и отчего-то вздохнул. Почему – «отчего-то»? Ясно и понятно. Теперь и здесь с первым его словом жизнь наверняка покатится по другой колее. Куда – бог весть. Но хуже не станет, в этом он был уверен.

Он повернул рубчатый верньер на четверть оборота. На этой модели не было никаких мышек, джойстиков и прочих современных наворотов. Всё просто и грубо, как на армейской радиостанции «Северок» времён Отечественной войны.

– Здравствуйте, господин президент, – сказал он негромко и вежливо.

Глаза президента расширились. Ещё бы – вместо дикторши новостной программы перед ним возник тот ещё тип, персонаж боевика по мотивам романов Сабатини.

Первая мысль, конечно, – сбой канала. Крайне маловероятно, разумеется, да ещё и фраза, как бы лично к нему обращённая. Но что же другое?

Выдержка у президента была на уровне. Он медленно отставил чашку и слегка наклонил голову, ожидая продолжения.

– Да, да, я именно с вами говорю. И можете мне свободно отвечать, связь у нас двусторонняя...

– Как это возможно? Здесь нет модема для подключения к Интернету, – спросил глава государства, внешне держа себя в руках. А то ведь чёрт его знает, что за провокация...

– Естественно. И подходящего компьютера тоже, и оптоволоконного кабеля. Да вы, для простоты, можете свой телевизор выключить. И питание во всём доме отключить – роли не играет. Разве – доверия к моим словам прибавится.

Президент так и сделал, щёлкнул пультом.

– Вот видите? Не нужно вызывать охрану, она ничем не поможет. А вам и так ничего не угрожает. С моей стороны, – счёл Вадим нужным уточнить. – Завтра дадите поручение хоть ФСБ, хоть Академии наук разобраться в данном феномене. А сейчас я бы хотел просто немного поговорить. Не каждому удаётся вот так, попросту, без свидетелей и протокола, – Фёст постарался улыбнуться располагающе, но при его шраме это не очень получилось.

– Хорошо, давайте попробуем. – Голос президента звучал ровно, однако Фёст догадывался, какой вихрь переплетающихся и сталкивающихся, взаимоисключающих мыслей бушует сейчас в голове собеседника. – Представиться не желаете?

– На данном этапе знакомства называйте меня Александр Александрович, – ответил Фёст, имея в виду царя-миротворца, чей облик попытался себе придать, и те идеи, которые собирался донести до своего визави. – Впоследствии, в зависимости от развития наших отношений, возможно, я представлюсь по-настоящему. Вас это не очень задевает?

– Нет, ничего. Я вас понимаю, хотя вообще-то вы ведёте себя опрометчиво...

Фёст намёк понял.

– Напрасно вы так думаете. Поскольку я принадлежу к типу пресловутого «сумасшедшего изобретателя» из старых романов, используемое мною устройство современными техническими средствами не идентифицируемо. И может находиться далеко за пределами досягаемости каких угодно спецслужб. Вы ведь не станете спорить, что ни о чём подобном не слышали и даже отдалённо не представляете, как подобная связь может осуществляться?

– Пожалуй. Но я не специалист.

– Если бы хоть кто-то в мире только начал приближаться к идее двусторонней межпространственной связи, вам бы непременно доложили...

– Тоже верно.

Президент окончательно взял себя в руки и даже улыбнулся. Располагающе, как очень хорошо умел.

– Я бы мог использовать своё изобретение в каких угодно неблагоприятных целях. Продавать бы не стал, что вы! Но вот заглянуть в любое место, как к вам заглянул, получить самую конфиденциальную информацию: финансовую, политическую, любую личную, пригодную для шантажа – без вопросов. Но я хочу использовать его на благо России. Без всякой корысти.

– Откуда мне знать, что вы уже не делали того, о чём сами сказали только что?

– Логика, господин президент, самая простая логика. Вы ведь её изучали. К чему мне в таком случае засвечиваться перед вами, человеком, который способен заставить полстраны землю носом рыть, чтобы разыскать меня и моё убежище? И наверняка это будет сделано, я не обольщаюсь. Хотите, я вам продиктую список поручений, которые вы непременно раздадите своим *сотрудникам* через пять минут после завершения нашей встречи? Единственное, что вас может остановить, – страх показаться в глазах прислужников сумасшедшим. Если бы, допустим, у вас сейчас работали камеры видеозаписи... Но их нет, я проверил.

– Может быть, вы оставите свой тон и манеру? – спросил президент. – Я уже понял всё, что вы подразумеваете, Александр Александрович. Страсть к дешёвой риторике не есть признак по-настоящему уверенного в себе человека.

– Я не *самовыражаюсь*, как вы стандартным образом подумали. Я *настраиваюсь* на нужную тональность. Раньше не имел удовольствия быть лично с вами знакомым, ну и захотелось уточнить, чем вы отличаетесь от *экранного* образа.

– Настроились? Тогда к делу.

– Вы не курите? – спросил Фёст, тщательно водя зажигалкой вокруг кончика сигары. – Напрасно. Те великие вожди XX века, что курили, выиграли у некурящих всё, что можно. Сталин, Черчилль, Рузвельт. Против них Гитлер, Муссолини. Интересно, правда? И дело не только в том, что никотин стимулирует нервную систему. Тут ещё и элемент из репертуара престижистов¹⁰. Вы и без того напряжены, общаясь с сильным партнёром, а он вдобавок отвлекает ваше внимание на манипуляции, сам при этом выигрывая время для наблюдений и размышлений.

– Вы – позёр? – сделал свой ход президент.

– Естественно, но не только. Как же иначе? Будь я *ботаником-интравертом*, рискнул бы броситься в такую авантюру? Но, действительно, пора и к делу. Если совершенно в нескольких словах, то так: я истинный патриот России, имеющий достаточное число единомышленников, в определённой мере разочарован вашей деятельностью на своём посту. Хотя в целом поддерживаю, так сказать, *Генеральную линию*, – счёл нужным уточнить Вадим. С

---

¹⁰ Фокусники, показывающие номера, основанные на быстроте и ловкости рук.

лёгкой такой, едва уловимой усмешечкой, с которой получал некогда приз за скоростную стрельбу из пистолета от начальника политуправления округа.

– Неприятно слышать такую оценку. От вас. От других много гораздо худшего слышался.

«Как же он задет, – подумал Фёст, – то есть, грубо говоря, «спёкся». – Это уже школа Шульгина дала о себе знать, с его логиками. – Он, при всём интеллекте и информированности, не понимает, что происходит. Потерял контроль над ситуацией. Таким психотипам это дико некомфортно. Давление среды, от которого успел отвыкнуть.

И вдруг прямо в лоб – следующий тычок. От неизвестной личности, явно в этом раскладе доминирующей. И ничего нельзя сделать. Отключиться не получилось. Встать и уйти – жалко выглядеть будет. И где гарантия, что все остальные телевизоры в доме не продолжат сеанс, причём – невзирая на посторонних. Если жена увидит, ладно, а если... То есть терпеть придётся. Пока собеседник не скажет всё, что хочет».

Ох, как не завидовал сейчас Ляхов-первый президенту великой державы...

И тут же остановил полёт вдохновлённой шульгинскими апориями и антиномиями мысли. Тем более что напротив него сидел Секонд, слушал беседу и откровенно развлекался, то растягивая рот до ушей, то подмигивая. И вдруг сделал пальцами давний, с юности понятный обоим секретный жест.

Точно. Следует остановиться и позволить собеседнику сделать собственный ход. Одно дело – заводить главаря пацанской группировки с соседней улицы, совсем другое – такого человека.

– Вы мою оценку в голову не берите. Это я тоже под влиянием плохо контролируемых эмоций сказал. Давайте взаимно успокоимся, я сначала о сути своего изобретения расскажу, об устройстве для пространственно-временного совмещения сколь угодно удалённых друг от друга точек мирового континуума. Ничего особенно сложного, вся разница лишь в том, что у нас на Земле до последнего времени такие вещи можно было проделывать с двухмерными объектами из третьего измерения, а мы оперируем трехмерными – через четвёртое. Всего лишь. По ходу изложения можете задавать интересующие вас вопросы... Кое о чём, попутно, и сами догадаетесь...

– И всё-таки – что вы мне собрались предложить? – спросил президент, когда Фёст закончил говорить, почти докурив сигару. Понятное дело, ему восхититься открывшимися перспективами и виртуально кинуться на шею с криком «Спаситель ты мой» – никак невозможно. Не той психологии люди, достигшие подобных постов. За крайне редким исключением.

Придётся сказать впрямую.

– Вы наверняка читаете хоть какую-то прессу? Если только для вас не печатают газеты в единственном экземпляре, как для умирающего Ленина, и не гонят по ТВ личный канал. Знаете, что происходит в стране? Нет, я не о вообще всём, что происходит. Меня, с моим складом мышления и усвоенной из трудов Ленина идеей о необходимости искать то звено, за которое можно вытащить всю цепь, в данный момент больше всего интересует и тревожит коррупция. Готов согласиться, что для России это естественный образ жизни и образ мысли. Но должны ведь быть какие-то рамки! Ничего не имею против того, что гаишник берёт с водителя сотню, чтобы тому не толкаться в очереди в сберкассу. Вы пробовали когда-нибудь заплатить штраф на законных основаниях? Очень советую. В виде Гарун-аль-Рашида. И сотня водопроводчику беды не представляет. Ему хорошо, и вам удобно. Я о другом.

Вас действительно не удивляет и не оскорбляет ситуация, когда заместитель министра обороны или глава субъекта Федерации разводит руками перед вами или даже перед судом: «Не знаю, не могу объяснить, куда делись сто миллионов долларов. Да и были ли

они вообще?» И отделяется публичным порицанием или, что верх жестокости – получает *девять лет условно!*

Вы же юрист, не технократ какой-нибудь, должны знать, что сие даже за пределами нашего довольно дурацкого Уголовного кодекса. И вы на это спокойно смотрите... Второй пример – из казны *просто так* исчезают пять миллиардов *раскрашенных бумажек*, и ведомства, поставленные на то, чтобы найти расхитителей и жестоко наказать, начинают азартно *мешать* друг другу вести расследование. Не останавливаясь ни перед чем. Трупы уж точно не считают. Хотя в чём вопрос? Вот отправитель суммы, вот получатель. Посадите обоих и всю промежуточную цепочку в банальную *пресс-хату*¹¹, о *существовании каковых вы тоже должны знать, до нынешнего поста какие-то книжки читали. Дня через три получите полную картину всех трансферов и транзакций на вверенной вам территории*. Под угрозой пожизненного заключения мало найдётся *железных* людей, замкнувших рот на замок, а ключ выбросивших в канализацию.

Этого не делается. Вот почему, господин президент, у меня и моих друзей появились серьёзные претензии лично к вам. Вы что, ни о чём действительно не знаете? Или отчётливо понимаете, что проявить политическую волю вам просто не позволят, оттого и предпочитаете махнуть рукой? Пусть всё идёт, как идёт?

Третий вариант я предпочитаю не рассматривать, – эту фразу он произнёс с печалью и сожалением в голосе. Сам, мол, додумывай, о чём я.

Ляхов-первый, словно бы сам донельзя выбитый из колеи своим монологом, принялся раскуривать новую сигару, а Второй показал ему большой палец.

– Если бы мы считали, что вы относитесь к тому же клану, никто не захотел бы с вами разговаривать. – Фёст глубоко затянулся, что категорически не допускалось правилами хорошего тона. – Вопреки мнению некоторых товарищей, я постарался доказать, что вы не безнадёжны...

– Спасибо, большое спасибо, – всё ещё держал марку президент. Но стоило это ему почти уже непомерных усилий.

– Да вы расслабьтесь, – сказал Фёст. – Я как врач советую. Прямо сейчас примите грамм полтора, сразу легче разговор пойдёт. На публике, может, и неудобно, а для себя – вполне. Ни Черчилль, ни Ататюрк, ни Маннергейм не брезговали. Хотите – угощу.

Он подвернул верньер, привёл аппарат в режим «одностороннего окна» и поставил на телевизорный стеклянный столик в комнате президента бутылку «Курвуазье».

– А это могла быть и граната, вы согласны? – Фёст позволил себе сочувственную усмешку. – Четыре секунды – и новые выборы назначай.

Клиента нужно *дожать*, учил Александр Иванович. Это удалось вполне. Более растерянного человека Вадим в своей офицерской и прочей жизни, пожалуй, не видел. Одно дело – слышать разглагольствования странного типа о перемещении предметов через пространство и время, другое – увидеть подобный фокус наяву. По-прежнему не верится – встань, возьми, попробуй...

– Что вы пить из подаренной мною бутылки не станете, я догадываюсь, – сказал Фёст *убедительным* тоном. Ему нужно было перевести собеседника в уровень *равноценного* общения. И это, похоже, удавалось.

– Забудьте на минутку, кто вы и кто я. Поговорим, как простые солдаты. Я по званию полковник медслужбы, в основном в морской пехоте служил, вы – близко к этому, пусть и

---

¹¹ *Пресс-хата* (к средствам массовой информации отношения почти не имеет) – жаргонное наименование камеры в СИЗО, где с помощью сотрудничающего с администрацией уголовного элемента не вполне законными методами получают признание (или информацию) по всем интересующим следствие вопросам.

Верховный Главнокомандующий, исходя из должности. Скажите мне, опять же, как врачу, вас очень мучает комплекс Павла Первого?

– Это вы о чём?

– Исключительно о том, что боитесь ли вы, если вдруг придут к вам в резиденцию, как к тому в Михайловский замок, близкие друзья, да и вмажут золотой табакеркой в висок, а потом шёлковым шарфиком додушат...

Фёст усмехнулся кривой, совсем уже ничего хорошего не обещающей улыбкой.

– Не сомневаюсь, эта мысль непрерывно крутится у вас в голове. Вечная беда нерешительных реформаторов. Получится – не получится? Отстранят или свергнут? Убьют или посадят? И генетический страх волевого решения – резко, окончательно, не задумываясь о ничкёмных мелочах, развернуть ситуацию.

Чего вы боитесь, президент? Начните вы действовать, как подобает мужчине, вождю, властителю, – девяносто процентов «электората» вас будут носить на руках! В армии, полиции, прочих службах всегда найдётся несколько батальонов верных офицеров, которые за вами, при доходчиво сформулированной задаче – в огонь и в воду. Так решайтесь же!

Президент, как и предполагалось, ни его бутылки не взял, ни из своего бара себе не налил. А зря.

– Решаться – на что?

– Я считал вас более сообразительным человеком. Стать кровавым диктатором я не предлагаю. Да у вас и не получится. Я сегодня, совершенно случайно, пробежал близкую к официозу газетку, – поднял и показал выделенную статью.

– Частный пример, но показательный. Члены созданного якобы вами (или при вас) совещательного органа открыто, на всю страну заявили, что *никаких* путей преодоления коррупции в системе высшего образования нет, а главное, быть не может. По тем-то и тем-то причинам. Читали?

– Ещё нет.

– Напрасно. Я читал, а президент – нет. Смешно. Но это *вы* там собрали полторы сотни дураков или провокаторов, которые несут подобные идеи в массы. Да в массы – хрен с ними. Они власть в таком убеждают. А она – верит. Одни воруют, а те, кто не ворует, вы, например, – верите.

– Границы приличия – не переходите? – спросил президент.

– Какие границы? Если сами не понимаете, кто-нибудь ведь должен правду сказать? Раньше цари и короли для таких целей шутов держали. Пусть я таким шутом сейчас выгляжу. Только – технически более оснащённым. Вы тоже уверены, что коррупция непобедима?

– Вы знаете, пожалуй – да. Слишком укоренённое и распространённое явление. Ремонт здания с разрушения фундамента не начинают...

– А я скажу – нет! Вам про Сингапур никто не рассказывал? Будете там с государственным визитом – найдите время, поинтересуйтесь. А знаете, как при царе Александре Третьем, на которого я странным образом похож, одномоментным указом и контрабанду, как явление, ликвидировали, и коррупцию в пограничных и таможенных органах? Очень просто. При задержании контрабандистов чины, в том деле участвовавшие, получали *шестьдесят процентов* изъятого! Для честной делёжки. Остальное – в казну. И никто не жлобился, как ваши чиновники. Эти – солдатам на фронте положенные *боевые* не платят. Между собой делят. А при царе честнее было: заслужил – получил! Оттого контрабанда, как явление, потеряла всякий смысл. Взятку больше шестидесяти процентов стоимости товара не дашь. Просто затеваться не стоит. Зато престиж службы и Государя Императора возросли неимоверно. Не приходилось читать?

– Нет, – честно ответил президент, неожиданно для себя начавший получать странное удовольствие от разговора с непонятным, но весьма неординарным человеком.

– Жаль, – вздохнул Ляхов. – Тогда хоть кассету с фильмом «Белое солнце пустыни» прикажите принести. И задумайтесь – отчего это Верещагину «за державу обидно», а вашему окружению – нет. Вот если бы вы сегодня издали подобный указ, мол, любой гражданин, доказательно, я подчёркиваю – *доказательно* сообщивший о факте коррупции, хоть в школе, хоть в больнице и Госдуме, получил бы шестьдесят процентов движимого и недвижимого имущества обвиняемого, процесс сошёл бы на нет сам собой. Помните, при царе Алексее Михайловиче – «Государево слово и дело!» Не доказал – доносчику первый кнут. Доказал – никто не защитит виноватого. Особенно, если нижестоящий коллега, разоблачивший недобросовестного судью или прокурора, получит вместе с его имуществом и его должность.

– Как вы всё примитивно понимаете, – вздохнул президент. В Китае, на который у нас коммунисты чуть ли не молятся, коррупционеров на стадионах расстреливают, а процесс движется по нарастающей. А в нашей богоспасаемой родине? Развернётся такая вакханалия доноительства, взаимное подсиживание, «охота на ведьм»... Новый тридцать седьмой год. Десять человек всегда могут сговориться и посадить, обобрать до нитки единственного честного... Такое – представляете. И что тогда?

– Всю жизнь меня мучила проблема, – вздохнул Фёст. – Отчего все мои начальники глупее меня? Не от личной гордости страдал, от обиды за Отчизну. Выходит, и вы такой же... Неужели не понятно, что с лжедонщиками справиться не в пример проще, чем с тотальным воровством и продажностью. Особенно, если всё будет делаться предельно гласно и любой гражданин страны в каждом конкретном случае сможет выступить как на стороне обвинения, так и защиты. Веря при этом, что Власть его не *сдаст*! На каждый Шемякин суд найдётся Государево Око!

– Послушайте, Александр, или как вас там... – президент потерял ту психологическую нить, вдоль которой они могли бы выстраивать что-то взаимоприемлемое. – Скажите прямо, что вам от меня нужно, где в ваших инвективах позитив? Креатив¹², как некоторые любят говорить...

– Вот, наконец-то! – обрадовался Фёст. – Господин-товарищ президент, вы с вашим очень неплохим образованием и служебным опытом догадались, что я не дурака валяю, что дельные мысли до вас пытаюсь довести, пусть и не совсем обычным способом.

Вадим увидел, что достиг своей цели. Президент подскочил с кресла, начал быстро расхаживать по просторной комнате, то и дело оглядываясь на экран, когда он оказывался у него за спиной.

– Я, то есть мы, хотим, чтобы вы стали настоящим лидером нации. И нашим другом. Не потому, что нам что-то от вас нужно. Скажите только – через пятнадцать минут во дворе вашей дачи мы выгрузим столько золота или цветных бумажек, что нефтью десять лет торговать не потребуется, или лучше восьмиполосный автобан Владивосток – Калининград наконец построим. С эстакадой над Литвой, на высоте, выходящей за пределы её юрисдикции. Пока шучу, но технически это возможно.

Одним словом, мы предлагаем вам собственную программу. Детализирую – вы должны воплотить в жизнь свою собственную, но с нашими коррективами. Мы вам гарантируем полную безопасность с любой стороны. И помощь в проведении, скажем так, *непопулярных* мероприятий, к которым лично вы не будете иметь никакого отношения. У нас есть собственный инструмент принуждения и возмездия. «Чёрная метка». Уж о ней вы наверняка слышали в прошлом году, когда неизвестно куда делось некоторое количество весьма коррумпированных личностей, а пара десятков отпетых отмороzków рассталась с жизнью. И, вы это тоже должны знать, ни по одному случаю *никакие* структуры не добились *никаких*

---

¹² Креатив – творческое начало, новая идея.

результатов. Ну настолько никаких, что даже самый липовый отчётник придумать не получилось. Стопроцентные «висяки».

– Так вы и к тем событиям отношение имели? – с долей оторопи спросил президент.

То, что в «Братстве» получило кодовое обозначение «Снег и туман», доставило массу неприятностей, головной боли и бессонницы очень и очень многим *важным* людям. Но из ситуации выбравшимся, примерно как немцы из зимних боёв под Москвой сорок первого года.

– Кто же ещё, господин президент? Соперников на этом поле у нас нет и вряд ли появятся, поскольку любой *честный* человек в России, от участкового инспектора райотдела милиции до генерала, всегда предпочтёт помогать нам. Думаете, людям не осточертело про «оборотней в погонах» каждый день слышать?

– Мне помнится, кое-где организации такого типа назывались «эскадроны смерти», – уклонившись от ответа по существу, президент произнёс эти слова со всей возможной неприязнью в тоне. – Бессудный террор, вы к нему призываете скатиться? Вам не кажется, что...

– Ни в коей мере не кажется. – Фёст наконец нашёл должную пропорцию в тональностях и сути произносимых слов. – Если в стране парализована не только правоохранительная система, но у «элиты», по преимуществу, патологически деформированы архетипы¹³ добра, зла, греха и в этом роде, терапией не обойдёшься. Хирургическое вмешательство рискованно, кроваво, но подчас неизбежно. Лучше ампутация ноги, чем газовая гангрена. Я учился на врача, я знаю.

И насчёт «бессудности» вы зря говорите. Особенно при нынешних «судах». После нескольких «показательных пороков» все прочие сообразят, куда ветер дует. Когда-то Каддафи в Ливии проводил санитарную акцию под девизом: «Откуда у тебя это?» Любой гражданин, не способный документально подтвердить источники своего благосостояния, подвергался конфискации до уровня законного дохода. А наш великий полководец любил повторять: «Каждого интенданта после пяти лет службы можно вешать без суда».

Негуманно, разумеется, но тут уж или – или!

– Я убедился, что вы действительно сделали одно из величайших открытий в истории, – осторожно подбирая слова, ответил президент. – Вот бы я и посоветовал вам продолжить работу в этом направлении. Хотите, я распоряжусь, завтра же вам предоставят научно-исследовательский институт с необходимым финансированием? Мне трудно сразу вообразить все сферы применения вашего изобретения, но, безусловно, это будет революция в целом ряде областей...

Фёст рассмеялся, протянул руку и забрал бутылку с телевизионной подставки.

– Видите? Точно так я могу взять любую сумму из хранилищ форта Нокс, любого банка в любой точке Земли. Что мне ваше финансирование? Могу в одном месте взять атомную бомбу, в другом её взорвать. Но, предположим, я – пацифист, альтруист и гуманист. Если у вас хорошее воображение, представьте, что случится на планете, если о моей установке СПВ станет известно кому-то кроме нас с вами и тех людей, которые имели отношение к её созданию? Так что всё-таки сначала нужно привести страну и мир к более вменяемому состоянию, а уже потом...

Он прервал свои морализаторские речи. Заговорил коротко и жёстко.

– Вот список, просмотрите. – Вадим переложил на ту сторону лист бумаги. – В нём пятнадцать фамилий людей, крайне опасных для страны и общества. *Вообще*, с любой, самой толерантной точки зрения. Вдобавок каждый из них является вашим злейшим врагом, гото-

---

¹³ *Архетипы* – изначальные, врожденные психические, образы, составляющие содержание т. н. коллективного бессознательного и лежащие в основе общечеловеческой символики (по К. Юнгу).

вым на всё. Если вы об этом не догадывались – тем хуже для вас. Если догадываетесь, но чего-то выжидаете – рискуете опоздать.

Подождал реакции. Президент молчал, вглядываясь в список, будто впервые видел эти фамилии и старался их заучить наизусть.

– Против четырёх стоят крестики. Выборка случайная. Эти люди сегодня попадут в крайне неприятные и одновременно – вполне естественные *эксиденсы*. Так для них карта легла. Поверьте, каждый из них давно заслужил высшую меру, у нас, к сожалению, отменённую. Но судьба выше политических жестов. Поэтому, господин президент, я на этом с вами распрощаюсь. Не знаю, что к вам поступит раньше, сводки МВД или телевизионные новости. Мы своих комментариев в прессу давать не будем. «Брать на себя ответственность» – тоже. Случай и есть случай. Пусть журналисты поупражняются.

А вы изучите информацию, подумайте, напрягите свои службы. Хочется верить, они вам подтвердят, что ни один из тех, с кем случится до восхода солнца несчастный случай, невинным агнцем не был. Как минимум – со дня окончания средней школы. Я, возможно, снова увидаюсь с вами завтра в это же время. Или – несколько позже.

Экран телевизора погас, несколько секунд оставался черным, и снова на нём появилось изображение дикторши, бодрым и несколько взвинченным голосом продолжавшей сообщать слушателям итоги дни. Такого же, как все предыдущие, не лучше и не хуже.

Глава 18

Сорок восьмой Президент САСШ Джеральд Доджсон обратился к Императору возрождённой Российской Державы Олегу Константиновичу по полуофициальному каналу. Не напрямую, потому что специальной телефонной линии между Белым Домом и Кремлём ещё не было установлено, а через посольство, только что переехавшее из Петрограда. Заранее предупреждённые связисты быстро, как на фронте, протянули кабель особо защищённой связи с Моховой до Кремля. Поверху, по обычным столбам уличного освещения. Всего-то на полкилометра, даже меньше. К американскому линейно-батарейному коммутатору подключили свой, рассчитанный на пропуск специально модулированного сигнала.

– Я вас слушаю, Джеральд, – сказал Император, когда полковник с молниями на жёлтых петлицах подал ему трубку.

– Здравствуйте, Олег, – начал президент по-русски. Имя американец произнёс легко, а на «Константиновиче» наверняка бы запнулся, отчего и пропустил.

«Интересные люди, – пренебрежительно подумал самодержец, – считают себя солью земли, а фонетикой не владеют. Любой русский свободно выговорит «Йокнапатофа» или «Попокатепетль», а эти... Даже *выкарабкивающиеся* на берег лягушки им не под силу».

Однако ответил вежливо:

– Рад вас слышать.

И тут же перешёл на английский. На очень хороший английский, *оксфордский*, по сравнению с которым луизианское произношение президента звучало забавнее, чем малороссийский крестьянский *суржик*.

– Вы первый, кто решил со мной поговорить напрямую. Официальные телеграммы с поздравлениями и аккуратные ноты наших европейских коллег не в счёт. Я это ценю.

– Разве вы не получили гораздо более тёплых писем от представителей родственных вам Виндзорской, Голштейн-Готторпской и иных династий?

– Если бы даже и да, это не имеет принципиального значения. До тех пор, пока они не располагают в своих странах сколько-нибудь значительным влиянием. Вы это понимаете не хуже меня, Джеральд. Но не будем терять времени. Чем вызван ваш звонок? Неужели президент САСШ вспомнил далёкий тысяча восемьсот шестьдесят третий год¹⁴?

– Скорее – тысяча девятьсот тридцать первый¹⁵.

– Продолжайте. – Олег закурил папиросу. Игра начинала удаваться.

– Я предлагаю вам личную встречу. На уровне официальной дипломатии это сложно. Но я знаю, что вы не только великолепный политик, но и учёный. Уссурийская тайга, вообще Дальний Восток входит в сферу ваших давних интересов. Сейчас у меня на столе лежит книга Олега Романова «По следам Арсеньева». На этот раз я правильно произнёс фамилию Владимира Клавдиевича?

«Не прост Джеральд, не прост», – подумал Олег.

Американец заговорил по-русски почти безупречно.

«Тем интереснее...»

---

¹⁴ В 1863 году, в разгар американской Гражданской войны, для предотвращения вступления Великобритании и Франции в войну на стороне Юга и с учётом поддержки этими странами Польского восстания, а также помня недавнюю Крымскую войну, Россия направила в Нью-Йорк и Сан-Франциско крейсерские эскадры адмиралов Лесовского и Попова. При возникновении реальной угрозы морским торговым коммуникациям названные страны отказались от своих намерений. С тех пор между Россией и САСШ (в этой реальности) неизменно сохранялись дружественные (в основном – на эмоциональном уровне) отношения.

¹⁵ В этом году Россия первой поддержала инициативу Ф. Рузвельта о создании ООН и ТАОС. (Смотри роман «Дырка для ордена».)

– Слушаю дальше. – Император тоже вернулся к родному языку. Вообще, с точки зрения протокола, это не совсем верно – главы государств должны разговаривать каждый на своём, чтобы в случае чего недоразумения возложить на переводчиков, и суверенность, вдобавок, подчёркивается. Но сейчас считалось, что общение личное, с глазу на глаз, и Доджсон пытался заранее расположить к себе собеседника, с которым раньше не встречался.

– Может быть, вы возьмёте отпуск, и мы повидаемся... На острове Святого Лаврентия вас устроит?

– С удовольствием! Давно в те края собирался. Русский царь любит свою страну и должен знать её, как хороший помещик – имение. Я прилечу. Когда?

– Если у вас нет более важных забот, прямо завтра и вылетайте. Сумеете?

Олег пожал плечами, пусть этого телодвижения по телефону увидеть нельзя.

– Естественно. Что может быть более важным, чем возможность в приватной обстановке обменяться мнениями с таким человеком, как вы?

Большинство даже сравнительно образованных людей привыкло считать, что Америка очень далека от России. Из Москвы до Нью-Йорка самолёт летит девять часов, до Сан-Франциско – четырнадцать. А на самом деле на обычном снегоходе в САСШ можно доехать за час. Из Уэлена или с острова Ратманова до Нома. Просто – с другой стороны. Через Берингов пролив.

Американский остров Святого Лаврентия расположен в ста километрах от порта Провиденция, что на российской стороне. Там военно-воздушная и военно-морская базы, город со сотысячным населением. У американцев тоже аэродром и пункт захода подводных лодок. Благоустроенный посёлок, нечто вроде курорта для любителей северной экзотики. Хорошее место для встречи.

Императорский реактивный самолёт преодолел путь до Провиденция по дуге Большого круга всего за восемь часов. Остаток дня и вечер Олег провёл в общении с местными жителями. Губернатор, едва успевший примчаться к трапу из Анадыря, суетился позади, среди свиты. На него Величество, после дежурных протокольных фраз, почти не обращал внимания.

А народ был счастлив. Для каждого обывателя, оказавшегося поблизости, Император находил тёплое, когда серьёзное, когда шутовское слово. Предложил, ещё по Уставу Петра Первого, высказать личные претензии выстроенным на плацу (по отдельности) нижним чинам и офицерам гарнизона.

Кое-кого осчастливил – без этого самодержцу нельзя. Пожилого многодетного капитана, отслужившего «на северах» без продвижения десять лет, велел перевести в Крым с производством в следующий чин. Всем прочим офицерам объявил, что по выслуге пяти лет соизволяет замену в любой гарнизон России по желанию. Сверхсрочным унтерам, «беспорочным», накинул по лычке, нескольких казачьих вахмистров произвёл в хорунжие, рядовым вдвое повысил денежное довольствие и удлинил до трёх недель ежегодный отпуск (не считая дороги).

Страху навёл только на гражданских чиновников, вспомнив реакцию Николая Первого на «Ревизора».

Утром на вертолёте, сопровождаемом российскими четырёхмоторными летающими лодками «Г-200» и двумя американскими истребителями, Император вылетел на Лаврентий.

Встречу Доджсон устроил, исходя из возможностей, по первому разряду. Невзирая на туман с дождём и порывистый северный ветер, вышел на посадочную полосу в визитке с полосатыми брюками и в лакированных туфлях. Адъютанты с трудом удерживали над ним

огромные зонты, всё время выворачивающиеся из рук. Вдоль бетонки змеями струились водяные вихри.

– Бедняги, – иронически бросил свите Олег, предусмотрительно надевший утеплённый офицерский костюм, высокие сапоги и сверху – непромокаемый плащ-накидку. – Куда им воевать? – Он имел в виду солдат из взвода якобы почётного караула, сжимавших винтовки посиневшими от холода руками. – Распорядитесь угостить их вместе с нашими морпехами после церемонии. Как положено. И каждому – медаль «За усердие». Хватит?

– Так точно, хватит, – ответил войсковой старшина Миллер. – И медалей хватит, и всего остального. Лишь бы их президент разрешил.

– Договоримся. – Олег с удовольствием посмотрел на своих сопровождающих. Морские пехотинцы Тихоокеанского флота, тоже взвод, как по протоколу положено, невзирая на погоду, выглядели очень браво. Береты, надвинутые на правую бровь, чёрные мундиры, белые перчатки, автоматы поперёк груди. Что им какой-то дождь, если до самой глубокой зимы в ледяное море с десантных кораблей приходится прыгать и брести до берега, ломая грудью лёд, пока он это позволяет. Зато потом десятикилометровый марш-бросок по тайге очень неплохо согревает.

А физиономии у наших бойцов какие! Ни малейшего сравнения с «товарищами по оружию».

Олег, отдав положенное приветствие президенту и караулу, наплевав на протокол, под локоть повлёк Доджсона в здание. Как будто был здесь хозяином.

– Вы, Джеральд, совсем с ума сошли. Зачем это представление? Простудитесь ведь. Север, бл... Никогда не любил. В тепло, переодеться и немедленно выпить. В наши годы к здоровью нужно относиться со всем вниманием. И – никаких журналистов.

– Их здесь вообще нет. Я вылетел по личным делам в неизвестном направлении.

– Ну, да. А завтра вы объявитесь где-то на Гавайях, я – во Владивостоке. И – никаких комментариев. Так какова у нас повестка дня?

В отличие от официальных встреч глав государств ни президент, ни Император не взяли с собой руководителей внешнеполитических ведомств, вообще никаких важных чиновников, только личных секретарей. Действительно, абсолютно частная встреча. Доджсон решил примерить на себя фрак Вудро Вильсона¹⁶, признанного любителя персональной подковёрной дипломатии. Да и Франклин Рузвельт¹⁷ предпочитал похожую методику общения с теми, кого считал себе равными.

– ... Мир встревожен, Олег Константинович, и вы это знаете, – говорил президент, опять по-русски, любясь в широкое окно штормовым океаном и дождевыми зарядами, горизонтально летящими над землёй. – Вы сделали заявку на самое кардинальное за семьдесят лет переустройство сложившегося миропорядка. Очень многие уверены, что ваш шаг поведёт к очередной международной смуте.

Слово «смута» он выговорил с особым вкусом, гордясь знанием подобных семантических тонкостей.

– Не человек для субботы, а суббота для человека, – как бы совсем не в тему ответил Олег.

– Простите? – приподнял бровь Доджсон. – Ах да...

– Именно. «Сложившийся миропорядок», на мой взгляд, не имеет самодовлеющего значения. Предназначался он для наиболее рациональной, на тот момент, организации отно-

---

¹⁶ 28-й президент США (1913–1921 гг.). Лауреат Нобелевской премии мира (1920 г.).

¹⁷ 32-й президент США (1933–1945 гг.). В реальности ГИП в годы войны вёл тонкую дипломатическую игру между Сталиным и Черчиллем, считался сторонником более тесных отношений с СССР, чем с Великобританией.

шений между великими державами после всемирного кровопролития, поддержания «вечного мира», ну и так далее. Но ведь ничто не вечно под Луной. На сей момент идея себя изжила. На наш, конечно, взгляд. Вы можете придерживаться любой другой точки зрения...

Я не буду перечислять сейчас все доводы, вам они наверняка известны не хуже меня. Чем-то ведь ваши аналитики занимаются? Скажу лишь одно, в чём мне неприятно признаваться, но – «истина дороже». Экономика России не выдерживает бремени членства в ТАОС. Наши военные расходы и взносы в бесконечные «фонды вспомоществования» непомерно велики. Одновременно во внешней торговле мы сталкиваемся с протекционизмом и демпингом в самых неприличных формах. Вопреки договорённостям, даже вы закупаете аргентинское зерно и мясо, лишая наших помещиков и фермеров заработка. Вы торгуете оружием на свободном рынке дешевле себестоимости... Нужно продолжать примеры? Ещё максимум десять лет, и мы столкнёмся с проблемами, перед которыми те, что могут возникнуть вследствие выхода из Союза сегодня, – не стоящие внимания мелочи. Автаркия¹⁸ для нас – единственный выход. А торговать мы будем с кем хотим, исходя исключительно из конъюнктуры. Никаких преференций одним и санкций против других. Деньги против товара, и пусть потерпевший плачет...

– Простите меня, Олег. – Президент, известный игрок в гольф и в покер, слегка нервничался. – Я, конечно, пока ещё не уполномочен говорить от имени всего Союза, но, думаю, если вопрос *только* финансовый, решить его – в наших возможностях. Да и некоторые другие *разногласия* не носят фатального характера. Готов признать и определённую вину моих предшественников. Они слишком сочувственно относились к интересам *более культурно близких*, скажем так, союзников, и, по нашей американской привычке, слишком часто думали: «Бизнес есть бизнес, ничего личного». Они не изучали так глубоко, как я, русскую культуру и русскую историю. Но ведь всё ещё можно исправить, без развода и битья фамильных сервизов?

Разумеется, вопрос слишком деликатен, чтобы решать его на Генеральной Ассамблее... Воленс-ноленс, приходится возвращаться к давно вышедшим из употребления традициям *непосредственной дипломатии*. Народы Свободного мира, стань им это известно, естественно, были бы возмущены. Ведь они – источник власти, а мы лишь избранные ими администраторы...

– Ко мне, слава богу, это уже не относится, – небрежно заметил Олег.

– Вот именно, вот именно. Почему я и избрал такой способ общения. Вы позволите краткую политическую преамбулу?

– Как же я могу не позволить?

– Тогда послушайте. Действительно, мы все упустили момент. Точка невозврата была пройдена примерно в начале шестидесятых годов прошлого века. До этого мы могли бы, пересмотрев свои «основополагающие принципы», начать мягкую экспансию за пределы Периметра. Неоколониализм, да, можно назвать это и так. Постепенно и очень аккуратно инкорпорировать наиболее перспективные в смысле экономики и культуры территории и псевдогосударственные образования. Лет за тридцать создать в мире десятки «очагов роста», развивать там промышленность и культуру, вырастить подконтрольные нам национальные элиты и собственный «средний класс». Причём одновременно не допускать никаких «горизонтальных связей» между этими «квазигосударствами». Никаких военных, политических, экономических союзов. И, разумеется – тотальная демилитаризация. Это было бы проще и дешевле, нежели то, чем мы занимались на практике.

– Естественно, – вставил Олег. – Поделить Землю на протектораты и подмандатные территории. И пусть за пределами периметра каждый член ТАОС «возделывает свой садик».

---

¹⁸ *Автаркия* – создание замкнутой, полностью самодостаточной экономики.

– Но на это не пошли, ибо итоги Мировой войны оказались столь страшны, что призрак воссоздания новых Империй, пусть и в далекой перспективе, полностью затуманил мозги тогдашним политикам...

– Очень верная оценка. И, добавьте, обсуждать модель, похожую на вашу, считалось просто неприличным даже в научном, не то что политическом сообществе, – с едкой иронией добавил Олег.

– Ну и к чему же мы пришли? – Президент словно вообразил себя на Римском Форуме, не совсем понимая, что он – не Цицерон и русский Император – не Катилина. Подобные речи стоило бы произносить на Генеральной Ассамблее лет тридцать назад, взывая к более авторитетным (в то время) игрокам на Мировой шахматной доске. Но в то время Доджсон играл в бейсбол на спортивной площадке своего кампуса и ни о чём более серьёзном не задумывался.

– Сегодня Юг – зона неоварварства. Население трущобных городов превышает два миллиарда человек. Это – зоны самовоспроизводящегося социального распада. Туда давно уже не рискуют проникать даже вооруженные подразделения и полиция их собственных «правительств». Но перспективы – гораздо хуже. Впереди – грандиозные конфликты социально дезорганизованного населения с социально организованным (даже на периферии).

В ближайшие годы число агрессивных люмпенов достигнет трёх миллиардов. Ни экологически, ни социально-экономически, ни психологически такой численности, такой обездоленности и отверженности мир трущоб выдержать не сможет, и его обитатели выплеснутся во внешний мир, устремившись туда, где «чисто и светло». Трущобники сначала начнут штурмовать относительно более благополучные страны самого Юга, а затем, сметая всё, хлынут на Север. Удержать их без грандиозных гекатомб не удастся. Придётся объявить всеобщую мобилизацию «белого», условно говоря, населения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.